ISSN 0130—2574

КОСТЁР

ЯНВАРЬ 1991

1

КОСТЁР

ЯНВАРЬ 1991

Ежемесячный журнал
для школьников
Центрального Совета
Союза пионерских организаций
(Федерации детских
организаций) СССР
Союза писателей СССР

Издается с июля 1936 года

© «Костер». 1991

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

1 ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО
повесть-сказка
Л. Яхнина

8 СТРАНА ПОЭЗИЯ
к 100-летию
со дня рождения
О. Э. Мандельштама

10 БАРАБАН
сообщения юнкоров

14 ПО СЛЕДАМ ИСЧЕЗНУВШИХ ДЕРЕВЕНЬ
рассказы
Н. Коняева

16 ТВОРЧЕСТВО
ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

17 ИСПОВЕДЬ
НА ЗАДАННУЮ ТЕМУ
главы из книги
Б. Ельцина

23 ПОЛОСА ОТЧУЖДЕНИЯ
повесть
Е. Мурашовой

31 СОЛО
ДЛЯ ПРИНЦА
ДАТСКОГО
очерк Н. Герасимовой

33 ПШЕНО
НЕРАДИВОЙ ЖЕНЩИНЫ
рассказ
С. Романовского

35 ЧТО Я ВИДЕЛ
В ИНДИИ
очерк
С. Сахарнова

40 КИФ
клуб изобретателей
и фантастов

42 ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

44 ВЕСЕЛЫЙ ЗВОНОК

46 АРЧЕБЕК
шахматы и шашки

47 СОВЕТЫ
МАШИ-ИСКУСНИЦЫ

На обложке
рисунок О. Гуриной

С Новым годом, дорогие ребята!

Приветствуем наших постоянных друзей-читателей и тех, кто впервые открыл для себя журнал «Костер».

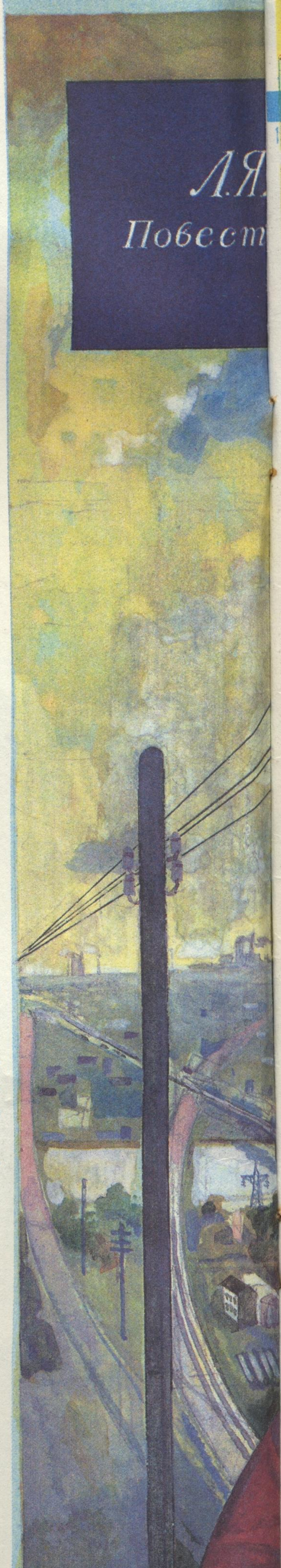
Число 1991 как будто исполнено особого смысла. Оно читается одинаково и справа и слева. И половинки числа по сумме цифр равны между собой. Что бы это значило?.

В новом пионерском уставе поясняется, что́ поможет ребятам жить интересно:

— игра и песня, сюрприз и тайна, секрет и выдумка, мечта и фантазия...

—а если добавить еще увлекательную повесть, стихи, и забавную сказку, приключенческий рассказ и веселые истории — то это все вы найдете в нашем журнале.

Надеемся, что с «Костром» в 1991 году вам будет жить интереснее!



ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО

книн
– сказка

Рисунки В. Аникина

Глава 1,
которая приводит нас сразу в середину сказки и которая называется
«БЕСПРИЗОРНЫЙ БЕГЕМОТ»

Я живу долго. Кем я только не был за эту свою долгую жизнь! Однажды мне даже пришлось быть телеграфным столбом. Не подумайте, что это скучно. Стоишь где-нибудь в поле или у дороги. А над тобой кувыркаются облака, мимо проносятся машины, зимой валит снег, осенью идет дождик, летом поют птицы, весной гремят ручьи. А по проводам несутся голоса. Смеются. Плачут. Беседуют. Кто-то толкует об умных вещах, кто-то болтает глупости. Кто-то жалуется на болезни, а кто-то хвастается удачей. И все ты слышишь, на все откликаешься, гудишь тихо-тихо, будто песенку напеваешь.

Как-то мне очень повезло. Мимо шла девочка. Она устала и прислонилась к столбу. Постояла, передохнула. О себе немного рассказала. Ее звали Лисичка. Такое забавное имя. Помахала мне Лисичка рукой и дальше пошла. Дорога у нее долгая. Разное еще ей на пути встретится. И, может быть, когда-нибудь вспомнит о простом телеграфном столбе, к которому прислонилась плечом, чтобы на мгновение передохнуть.

Вы скажете — не бывает так: человек — и вдруг телеграфный столб. Бывает. Главное, чтобы ты был нужен кому-то. А кем ты в это время будешь, совершенно неважно. Вот я вам расскажу про одного моего знакомого. Это бегемот. Беспризорный бегемот.

Познакомились мы с ним во время одного моего путешествия. Я разыскивал человека Соломенные ножки. Кто он такой? Потерпите немного. Расскажу. А пока я шел по дороге один и думал: вот, мол, иду я один и никого рядом со мной нет. И только я так подумал, как кто-то прогудел у меня за спиной, будто в трубу:

— Ничего подобного. Нас двое.

Оглянулся я и никого не увидел.

— Кто это? — воскликнул я.

— Я! — густо пробасил кто-то, словно гукнул в пустую бочку.

И вдруг воздух передо мной стал сгущаться. Сначала появилось голубоватое марево, словно над костром. Потом оно затуманилось. Вот уж туманное пятно собралось в серое облачко. Облачко заструилось, опало складками. Эти складки наподобие одеяла окутали кого-то большого, громоздкого. И появился бегемот! Самый настоящий бегемот, начиная от нелепой головы, похожей на контрабас в футляре, и кончая задорным поросячьим хвостиком.

— Откуда ты взялся? — удивился я. — Из зоопарка?

— Нет! — промычал бегемот.

— Значит, прямо из Африки?

— Нет! — буркнул бегемот.

— Из цирка! — догадался я.

— Нет. Я беспризорный бегемот,— прогудел бегемот.— Я как дворняжка, которая никому не нужна. Люди любят кошек и белок, всякую мелочь, вроде канареек и попугаев, обожают пуделей, похожих на шерстяные шапочки с помпоном, заводят щекастых хомяков, разводят расписных рыбок величиной с мизинец. А кому, скажите, нужен громадный бегемот с треугольными ушами и головой, похожей на диванную подушку, обтянутую пупырчатым одеялом?

— Неправда! — закричал я. — Мне нужен бегемот! Я еще с детства мечтал о бегемоте. Это мой самый любимый зверь. Я и сейчас, кажется, вспомнил именно о бегемоте, когда подумал, что иду совсем один.

— Вот поэтому я и здесь,— спокойно пробасил бегемот. — Я могу быть только с тем, кому нужен и кто обо мне помнит. Хотя...— И бегемот попытался грустно улыбнуться, но у него получилось это очень неуклюже. — Хотя до сих пор не могу понять, как это можно мечтать о существе, у которого голова вроде огромной кривой тыквы?

— А как тебя зовут? — спросил я осторожно.

— Как могут звать бегемота с головой, похожей на туго набитый рогожный мешок? Так и зовут — Бегемот. Кстати, вы могли бы усесться мне на спину. Если уж моя голова вроде диванной подушки, то спина как-нибудь сойдет за диван.

— А тебе не будет тяжело?

— Когда знаешь, что кому-то нужен и приятен, то становится очень легко,— весело прогудел Бегемот.

Я вскарабкался ему на спину. Поверьте, это очень удобная спина. Серая асфальтовая дорога в неровных лунках и трещинах напоминала лунную карту. Бегемот протяжно шаркал жесткими подушками ног. Меня чуть-чуть покачивало, как в купе ночного поезда, и я уснул.

Глава 2,

в которой мы возвращаемся к началу сказки и которая называется

«ЧЕЛОВЕЧЕК СОЛОМЕННЫЕ НОЖКИ»

Сказки просто так не придумываются. Они случаются. Случаются с нами, с нашими знакомыми или с совсем незнакомыми людьми. В тот вечер я как раз сидел за своим письменным столом и пытался во всех подробностях вспомнить сказку, которая случилась в моей жизни накануне.

Я задумчиво водил карандашом по чистому листу бумаги и поглядывал в ночное окно. Там, над улицей, мерцающим кубиком висело отражение моей комнаты. Получалось, что комната как бы раздвоилась, разделилась на две. Одна здесь — в ней за столом сижу я. Другая — там, за окном, и в ней тоже сижу я, отраженный за отраженным письменным столом.

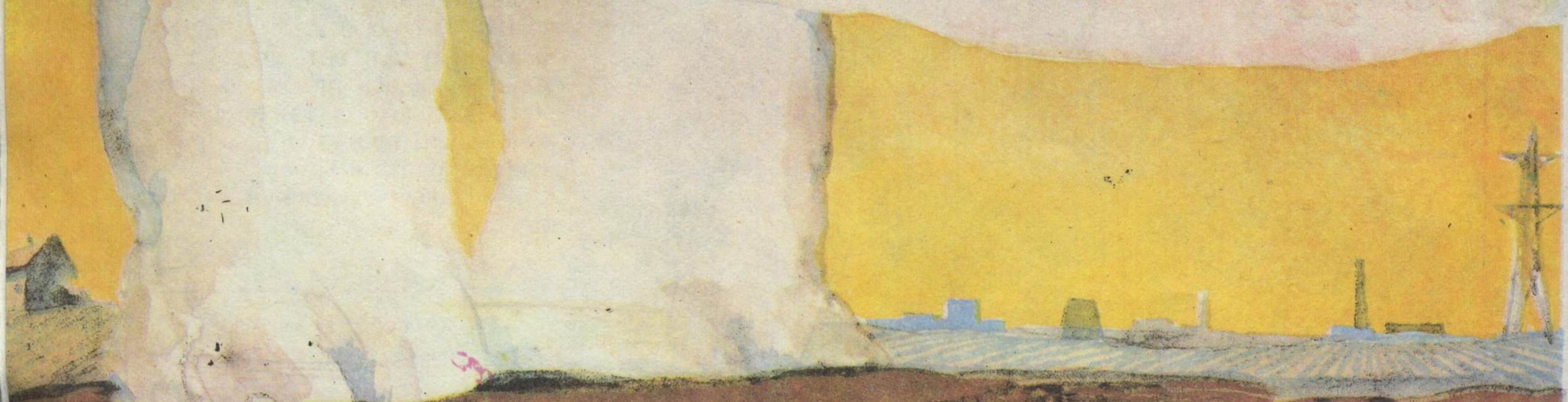
И вот в той, отраженной комнате я увидел, что на листке чистой бумаги под моей задумчивой рукой появляется какой-то рисунок. Круглая макушка земли. Из самой середины растет высокое тонкое дерево с тремя листьями на макушке. А под деревом стоит человечек на тонких, в одну карандашную линию, будто соломенных, ножках. Человечек Соломенные ножки. В одной руке он держит скрипку, похожую на грушу, а в другой — палочку-смычок, не больше стрекозиной лапки.

Я перевел глаза с того, отраженного рисунка на лист бумаги, что был у меня под рукой, и стал удивленно разглядывать, что у меня получилось. И вдруг в раскрытую форточку впорхнул сквозняк. Он сдернул со стола лист бумаги с рисунком и завертел его по комнате. Я вскочил из-за стола, опрокинул стул, замахал руками, будто и сам хочу полететь, и сшиб на пол порхающий листок. Потом нагнулся, поднял его, положил на стол и...

И увидел, что листок совершенно пуст! Будто я ничего и не рисовал на нем всего минуту назад. Что такое?

— Прощайте-мне-некогда,— послышалась откуда-то из форточки тонкая хриплая скороговорка.

Я взглянул на отражение комнаты. Там опять сидел за столом я и недоуменно вертел в руках листок бумаги. Но на ТОМ, отраженном листке ясно отпечатался человечек Соломенные ножки!



А на моем листке — том, что у меня в руках,— п у с т о!

Человечек Соломенные ножки весело помахал мне ОТТУДА своей похожей на грушу скрипкой и по линованному листку бумаги, словно по лесенке, стал спускаться куда-то вниз, за кромку светящегося отражения в темную улицу.

— Постой! Ты куда? — закричал я.

— Иду-искать-поющее-дерево! — затараторил он в ответ.

— Какое такое поющее дерево? Что еще за выдумки? — воскликнул я. — Где ты видел поющее дерево?

— Поющего-дерева-никто-не-видел. Никто-не-видел-и-никто-не-нашел. Пока. Оно-растет-неизвестно-где-и-похоже-с-виду-на-обыкновенное. Его надо-найти-и-сделать-из-него-скрипку. И-эта-скрипка-из-поющего-дерева-по-настоящему-умеет-петь,— выпалил одним духом человечек Соломенные ножки и исчез в темноте по ту сторону окна.

«Сплю я, что ли?» — подумал я и хотел уже ущипнуть себя за щеку, как ко мне постучался мой сосед Иван Иваныч Перепечкин.

— Простите,— сказал Иван Иваныч,— не найдется ли у вас горстки сырных корок?

— Чего? — ошалело прошептал я. — Может быть, и вы мне снитесь, Иван Иваныч?

— Я вас разбудил? Простите еще раз,— деликатно сказал Иван Иваныч,— но мне очень нужно немного сырных корок, а проще — корок от сыра. Я вам сейчас все объясню.

Глава 3,
в которой мы знакомимся с историей Ивана Иваныча и которая называется
«МЫШЬ И КУЗНЕЧИК»

Надо вам сначала сказать, кто такой мой сосед Иван Иваныч Перепечкин. Он учитель ботаники. Добрый, как все добрые учителя, и немного застенчивый, какими бывают иногда учителя ботаники. А в это утро с ним приключилась такая история. Как всегда, в половине восьмого утра Иван Иваныч Перепечкин надел свое строгое черное пальто и отправился на урок. Выйдя на улицу, он сунул руку в карман за перчатками, но оттуда вдруг выскочил Кузнечик.

— Что вы делаете! — заверещал он. — Вы меня чуть не раздавили!

— Откуда ты попал в мой правый карман? — удивился Иван Иваныч.

— Из левого. Там у вас живет Мышь, и от нее просто нет покою!

— А что же делает Мышь в моем левом кармане?

— Грызет хлебные крошки, которые вы забыли вытряхнуть на прошлой неделе.

Иван Иваныч осторожно пошарил в левом кармане. Оттуда высунулась усатая мышиная мордочка.

— Послушайте! — возмущенно пропищала Мышь. — Если вы приглашаете к себе на обед, то имейте терпение, пока гости наедятся!

На улице шел дождь. Иван Иваныч раскрыл зонт и стал похож на пиратский корабль под черным парусом. Но это только издали. Вблизи сразу было видно его доброе лицо и растерянные глаза за круглыми очками. Он старательно обходил серые пузырящиеся лужи. Дождь громко барабанил по зонту. Из ближайшего подъезда выглянула кошка и облизнулась розовым язычком. Мышь сразу перестала копошиться и хруптеть хлебными крошками.

— Брысь, кошка! — сердито сказал Иван Иваныч.

Кошка вздрогнула от упавшей на голову капли и скрылась в подъезде.

— Не волнуйтесь,— сказал Иван Иваныч Мышке,— я ее прогнал.

И Мышь снова весело захруптела в левом кармане пальто, слегка толкая своими быстрыми лапками Ивана Иваныча в бок. А он завернул в магазин. На прилавке лежали желтые круги сыра.

— Взвесьте мне, пожалуйста, полкило сырных корок,— попросил он.

Полусонная продавщица тут же проснулась и вытаращила на Ивана Иваныча глаза.

— Че-го? — переспросила она.

— Сырных корок, или корок от сыра, это все равно,— терпеливо объяснил Иван Иваныч. — Ведь я могу купить полкило сырных корок, если сыр есть в продаже.

Продавщица, опасливо поглядывая на него, быстро сгребла с прилавка засохшие корочки от сыра и протянула ему пакет.

— Вот чудак! — подумала она и пожала плечами.

Откуда ей было знать, что у него в левом кармане пальто живет Мышь?

Дождь кончился. Лужи стали голубыми. В них плавали горелые спички и клочки белых облаков. Иван Иваныч свернул в Парк. Он подошел к цветочной клумбе и сорвал одну травинку. И тут же перед ним вырос сторож со свистком-улиткой во рту.

— Извините,— сказал Иван Иваныч, — но я сорвал только одну травинку.

— Штраф! — рявкнул сторож.

Иван Иваныч молча заплатил штраф, сунул травинку в правый карман и зашагал из Парка.

— Чудак! — пробормотал сторож.

Он ведь не знал, что у Ивана Иваныча в правом кармане живет Кузнечик.

Глава 4,
в которой я оказался непонятно где и которая называется
«ОТРАЖЕНИЯ»

Вот какую историю, происшедшую с ним, рассказал мне мой сосед Иван Иваныч Перепечкин, слывущий большим чудаком. Я ему, в свою очередь, тут же рассказал про человечка Соломенные ножки.

— Так что же мы сидим и теряем время? — всполошился Иван Иваныч.— Надо срочно идти за ним! Он же заблудится, затеряется, пропадет!

— Прямо сейчас? — спросил я и подумал про себя: «Вот чудак!»

— Конечно! Только я вас догоню попозже. Мне еще надо проверить тетради.

Я глянул в висящее за окном отражение комнаты и увидел себя ТАМ маленьким-маленьким. А Ивана Иваныча ТАМ не было! Но здесь-то он — вот он, стоит рядом со мной! Я даже протянул руку, чтобы потрогать его за локоть. Но... рука моя нащупала пустоту. И вдруг я услышал донесшийся как бы издалека голос Ивана Иваныча:

— Счастливого пути! Я вас непременно догоню!

И тут я понял, что уже нахожусь не у себя в комнате, а в светящемся кубе отражения, висящем над улицей. Значит, я уже ТАМ? Или вернее ТУТ, по ту сторону окна. А Иван Иваныч остался ТАМ, в моей комнате, и машет мне рукой. Я ему тоже помахал на прощанье и стал осторожно спускаться.

И вот уж я шел по темному вечернему городу. Только странный город этот словно плыл в воздухе или, точнее, отражался в воде. Но воды не было и в помине. Я шел по сухому струящемуся тротуару мимо высоких домов с гроздьями светящихся окон. Над ними, как воздушные шары, висели разноцветные отражения комнат.

Одни были так забиты шкафами и сверкающими сервантами, что людей и видно не было. В других бегали, носились, крутились дети. А в некоторых детей не было и стояла ровная, равнодушная тишина. В одном отражении мерцал и слепил глаза холодным светом экран телевизора. А в этом все было загорожено огромным листом газеты и свисающими с ног шлепанцами.

Столько разноцветных отражений висело над моей головой, что трудно все их перечислить. Вот мастерская художника с мольбертом, но вместо картин отражаются почему-то лишь пустые холсты. Зато в другом отражении, словно в гулком колоколе, звенела мелодия чудесной песенки. Здесь сидит громадный пес и грозно рычит. А там ухоженная кошечка с розовым бантом и таким же розовым носиком. Было отражение с обеденным столом, нагруженным едой. Сидящие за этим столом ели, ели, ели без передышки. Было еще отражение, забитое игрушками настолько, что нельзя было разглядеть ребенка, для которого они куплены. Но одно отражение меня особенно порадовало. В нем светилось синее небо и плыли облака, как днем.

Вдруг в темноте на безлюдной улице послышались шаги. Было ясно, что идут сразу несколько человек. Шаги четко отдавались в тишине, будто кто-то колол орехи.

Глава 5,
в которой появляются удивительные незнакомцы и которая называется
«ЧЕТЫРЕ БРАТА СИДОРА»

Навстречу мне вышли четверо. Они остановились. Пригляделись и одновременно сдернули с головы шапки. Четыре одинаково одетых человека. Один молодой и безусый. Другой — усатый. Третий — бородатый. А четвертый — с бородой и усами.

— Здравствуйте,— сказал я.

— Добрый вечер! — ответили они хором и стали знакомиться.

— Сидор,— сказал безусый и поклонился.

— Сидор,— сказал усатый.

— Сидор,— сказал бородатый.

— Сидор,— сказал усатобородатый.

— Все Сидоры? — удивился я.— И похожи, как братья. Чудеса!

— А мы и есть братья,— сказал усатый.

— Двоюродные?

— Нет. Родные,— сказал усатобородатый.— Я Сидор старший. Он Сидор средний. — И он показал на бородатого.— Этот, усатый, Сидор средний второй. А тот — Сидор младший.

— Зачем же вы все Сидоры? — поразился я. — Неужто не могли вам разные имена придумать?

— А мы все надежда родителей,— сказал Сидор средний.

— Как это?

— Очень просто. Первая надежда — я, — прогудел басом Сидор усатобородатый. — Родители надеялись, что вырастет их сын Сидор сильным, веселым, умным и добрым. И верно, силы во мне хоть отбавляй, а остального — ни ума, ни веселости, ни доброты настоящей — не добрал я. Чего нет, того нет.

— А я вторая надежда! — засмеялся Сидор бородатый. — Отчаялись родители в первом сыне и надеялись, что второй-то их надежды оправдает. И решили — пусть и этот будет Сидором, как если бы он был первым. Веселым я уродился, это верно. Да таким веселым, что смеюсь и хохочу без устали. Этим только и отличаюсь. Оттого про меня и говорят, мол, глуп он, палец покажи — засмеется.

И он так расхохотался, что борода его распушилась и каждый волосок отдельно трясся от смеха.

— Я третья надежда родителей,— хмуро буркнул усатый.— Умный я — это точно. Все думаю и думаю. А потом передумываю. Все уж передумал. Обо всем подумал. Ничего, наверное, непонятного для меня на свете не осталось. И удивляться нечему. Скучно это.

— А я самая последняя надежда моих отца и матери и самая несбывшаяся. Один брат у меня сильный. Другой — веселый. Третий — умный. А у меня ни того, ни другого, ни третьего. А если и есть, то понемногу. И за что они меня любят?

— Главное-то в тебе есть — это доброта,— прогудел Сидор Сильный,— а сила будет. Молод еще.

— И ума наберешься,— сказал Сидор Умный.

— А веселого да смешного на свете много,— засмеялся Сидор Веселый.

Я посмотрел на четырех братьев Сидоров и подумал: «Хорошие, видно, люди эти братья Сидоры, дружные. И совсем разные. Их и вправду не спутаешь».

— А вы куда путь держите? — спросил Сидор Сильный.

— Ищу человечка Соломенные ножки,— сказал я,— может, вы его встречали? У него еще скрипка в руках.

— Маленький такой, хиленький? Да? Дунешь на него, он и улетит,— прогудел Сидор Сильный.

— Ха-ха! Забавный такой! Уморительный! — засмеялся Сидор Веселый.— Бегает на своих тонких ножках и все что-то под нос мурлычет?

— Видели мы его — он навстречу нам шел, в наш город,— сказал Сидор Добрый.— Искал какое-то дерево.

— Поющее дерево,— объяснил я.

— Вот-вот, только в нашем городе давно нет деревьев. Ни поющих, ни обыкновенных,— нахмурился Сидор Умный,— не советовал я ему туда идти.

— Сами оттуда ушли,— пояснил Сидор Добрый.

— Хоть и родной это наш город,— уныло добавил Сидор Сильный.

— И вам бы не советовали туда ходить,— остерег меня Сидор Умный.

— А чем же он так нехорош, ваш город? Расскажите,— попросил я.

— В том-то и дело, что слишком хорош,— усмехнулся Сидор Веселый.

— Расскажи человеку,— обратился Сидор Добрый к умному своему брату.— Может быть, одумается человек. Домой вернется.

— Ладно,— насупился Сидор Умный.— Только пока своими глазами не увидишь, на своей шкуре не испытаешь, понять трудно.

Мы уселись на травку у дороги. Сидоры раскрыли свои котомки, выложили сыр, хлеб, лук и соль. Поставили широкую банку с розовым морсом. Я с удовольствием с ними перекусывал, слушая странный рассказ Сидора Умного.

Глава 6,
в которой я слушаю странную историю города и которая называется
«ЗАСТЕНЧИВЫЙ ЗЛОДЕЙ»

В этом удивительном Городе не было ни одного мало-мальски плохого человека. Куда они подева-

лись, никто уже не помнил. Впрочем, и оставшиеся не все были одинаково хорошими. Один слыл человеком хорошим, но не очень. Другой — человеком, в котором мало хорошего. Третий, наоборот, считался человеком, в котором немало хорошего. Тот — просто хороший человек, а этот — хороший, но не просто. В том не находили ничего плохого, а этот прослыл неплохим человеком. Во многих было хорошенького понемногу. Если бы старательно поискать, то можно было бы даже найти человека, о котором обычно говорят: «Хорош, нечего сказать!»

Одним словом, не город, а выставка хороших или почти хороших людей. И когда в Городе приключалось что-нибудь, происходила какая-нибудь неприятность (например, пропадала кошка, протекала крыша, разбивалось окно), то некого было ругать. Попробуй найти виноватого, если все хорошие!

И тогда решили горожане завести хотя бы одного просто плохого человека. Но среди таких замечательных, замечательно хороших людей даже не очень плохой может показаться злодеем. Итак, начались поиски злодея.

Вообще найти злодея невероятно трудно. Никто не хочет прослыть злодеем. Вы можете называть человека как угодно: умник, здоровяк, красавчик, на худой конец — чистюля. И он почти никогда на вас не обидится. Пожалуй, и поругать можно. Например: Бревно. Вафля. Глухарь. Дуля. Егоза. Индюк. Каланча. Лежебока. Мастодонт. Нюня. Одуванчик. Пилюля. Разиня. Сапог. Тютя. Утятина. Фефёла. Хлюст. Цыпленок. Чурбан. Шляпа. Эскалоп. Юла. Ябеда. И это бы тоже ничего.

Но злодей! Это слишком. Никто не соглашался. Тогда собрались все жители Города и решили злодея выбирать. Временно, года на два-три. А потом его заменять следующим, чтобы никому не было обидно. Начали, конечно, с самых хороших.

С тех пор злодеями в Городе становились по очереди. Выберут какого-нибудь хорошего или почти хорошего человека Злодеем. Он не отказывается, но очень этого стесняется. Стыдно ему быть злодеем, да ничего не поделаешь — слово дал. А хороший человек слово свое привык держать крепко.

Так постепенно часть горожан перебывала злодеями. Но три года — срок немалый. За это время любой распрекрасный человек так привыкал к своей злодейской должности, что не мог отвыкнуть от этого всю жизнь. Стеснялся, а злодействовал. То место чужое займет где-нибудь, в автобусе, например, а то еще того хуже — чихает на всех и каждого.

А в остальном в Городе дела шли хорошо. Лучше и не надо. У них даже приговорочка была: все, что лучше нашего хорошего,— плохо. Это очень удобная приговорочка. Надо только решить, что у тебя все хорошо, тогда все, что не так, как у тебя, можно считать плохим. Так они и делали.

Ну какие тут могут быть сомнения? Но чтобы уж вовсе не сомневаться, в Городе были на каждом углу развешаны Краткие Правила. Из шести пунктов. Вот они.

1. Все должно быть ясно!
2. Все неясное — опасно!
3. Все опасное — искоренять!
4. Все искорененное — забывать!
5. Все забытое — не упоминать!
6. Все упоминаемое — должно быть ясно!

Краткие эти Правила знали наизусть даже маленькие дети. У них хорошая память, и они всегда запоминают все легко и надолго.

Сидор Умный замолчал, молчали и его братья. А я подумал: «Все это было бы хорошо. Только вот беда — ушли из Города братья Сидоры. Ум. Сила, Доброта. Веселье. А без этого самый распрекрасный Город — не город, жизнь в нем не жизнь. Пожалуй, правы братья — обойду его стороной. Думаю, что и человечек Соломенные ножки послушался их совета».

Продолжение следует.

Осип Эмильевич Мандельштам

(1891—1938)

В «Стихах о неизвестном солдате», пронзительных и страшных, пророчествующих о возможной ядерной катастрофе, Мандельштам сказал о себе:

И в кулак зажимая потертый
Год рожденья — с гурьбой
и гуртом,
Я шепчу обескровленным
ртом:
Я рожден в ночь с второго
на третье
Января в девяносто одном
Ненадежном году —
и столетья
Окружают меня огнем.

Так и прожил он жизнь, храня в себе великие традиции культуры 19-го столетия. Сталкиваясь с беспощадностью нового века («Мне на плечи кидается век-волкодав, но не волк я по крови своей...»). Противопоставляя унизительной власти карающего государства личную независимость и свободу. Далекий от политики, он чудом избежал расстрела в белогвардейской тюрьме. Человек по натуре мирный, отвесил пощечину барствующему вельможе, вступившись за честь женщины. Он отказался эмигрировать из страны, и тем несправедливей, безжалостней его гибель в пересыльном лагере под Владивостоком...

Молодые любители поэзии в 20-х годах горячо спорили, кому отдать первенство в поэзии — Пастернаку или Мандельштаму?

Никогда не имея своего угла, он жил по чужим квартирам, перебиваясь случайными заработками. О его нищете ходили легенды. А к деньгам он относился беспечно. Радовался, когда избавлялся от них. Как-то, посланный на рынок за мясом, накупил на все деньги игрушечных восковых утят. И был счастлив.

Но даже поношенный костюм выглядел на нем элегантно. Столько было гордого достоинства во внешности поэта, что мальчишки на улице однажды крикнули: «Генерал идет!»

Его стихами восхищались, их переписывали и заучивали наизусть. Но печатать их удавалось редко. Зато мало кому хватило мужества сказать горькую правду о своем времени так, как это сделал Мандельштам в стихотворении «Мы живем, под собою не чуя страны...» Правящий страной «кремлевский горец», у которого «пальцы, как черви, жирны», этого поэту не простил.

Только сегодня творческое наследие Мандельштама становится доступным. Это лирика, переводы классической итальянской и французской поэзии, критические статьи, литературоведческие исследования, проза. И, наконец, стихи для детей. При жизни поэт выпустил четыре детских книжки: «Примус», «2 трамвая», «Кухня» и «Шары», ставшие ныне библиографической редкостью.

С. МАХОТИН

КАЛОША

Для резиновой калоши
Настоящая беда,
Если день — сухой, хороший,
Если высохла вода.
Ей всего на свете хуже
В чистой комнате стоять:
То ли дело шлепать в луже,
Через улицу шагать!
(1926)

РОЯЛЬ

Мы сегодня увидали
Городок внутри рояля.
Целый город костяной,
Молотки стоят горой,
Блещут струны жаром солнца,
Всюду мягкие суконца,
Что ни улица — струна
В этом городе видна.
(1926)

КООПЕРАТИВ

В нашем кооперативе
Яблоки всего красивей:
Что ни яблоко — налив,
Очень вкусный чернослив,
Кадки с белою сметаной,
Мед прозрачный и густой,
И привозят утром рано
С молоком бидон большой.
(1926)

ОДЕЯЛЬНАЯ СТРАНА

Лег в постель. Закутался. Согрелся.
Подавайте мне теперь сюда
Все игрушки — кубики и рельсы,
Корабли, сады и города.

Два холма — под одеялами коленки,
И простынь бушует океан.
Города и башни ставлю к стенке
На крутой подушечный курган.

По холмам шерстяного одеяла,
По горам подушечной страны
Оловянная пехота пробежала
И прошли индийские слоны.

Я гляжу, как ласковый хозяин,
Как хороший, добрый великан,
На равнину шерстяных окраин
И на полотняный океан.
(1924)

* * *

Что прячешься, фотограф,
Что завесился платком?

Вылезай, снимай скорее:
Будешь прятаться потом.

Только страусы в пустыне
Прячут голову в крыло.

Эй, фотограф! Неприлично
Спать, когда совсем светло!
(1925)

МУРАВЬИ

Муравьев не нужно трогать:
Третий день в глуши лесов
Все идут, пройти не могут
Десять тысяч муравьев.

Как носильщик настоящий
С сундуком семьи своей,
Самый черный и блестящий,
Самый сильный муравей!

Настоящие вокзалы —
Муравейники в лесу:
В коридоры, двери, залы
Муравьи багаж несут!

Самый сильный, самый стойкий,
Муравей пришел уже
К замечательной постройке
В сорок восемь этажей.
(1924)

Рисунок А. Ивашенцовой

ЧИСТИЛЬЩИК

Подойди ко мне поближе,
Крепче ногу ставь сюда,
У тебя ботинок рыжий,
Не годится никуда.

Я его почищу кремом,
Черной бархаткой натру,
Чтобы желтым стал совсем он,
Словно солнце поутру.
(1926)

БАРАБАН

№ 1

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ ПЕЧАТАЕТ ТВОИ ЗАМЕТКИ, РИСУНКИ, СНИМКИ

Не понимаю: «Барабан» это или «Прожектор перестройки»? Недавно убирался в своем шкафу и нашел «Костер» за 1988 год. Так там все нормально! Море, приключения, игры... А сейчас? Я хочу, чтобы «Барабан» стал мягче.

Алеша Барсуков,
Тында
Амурской обл.

«Барабан» — это журнал юнкоров. Каким ему быть, зависит от вас, ваших писем, советов, вопросов. Какие они — такой и «Барабан».

Кстати, некоторые считают, что надо заменить название «Барабан» на более современное. Согласен ли ты с этим мнением! Если согласен, предлагай новое название.

Итак, начинаем конкурс.

Вчера, сегодня, завтра

Раньше было лучше

Раньше даже не думали свергнуть (да-да! свергнуть) пионерскую организацию. Как хорошо было раньше — были и тимуровцы, и все было! Павлик Морозов совершил подвиг, а его сейчас всяко как хотят обзывают. Разве можно так жить дальше? Нет чтобы как-нибудь укрепить организацию, сделать ее интереснее, так многие думают о ее свержении. Я думаю, что без пионерской организации нечего делать школьникам.

Олеся Тудакова,
6-й класс,
Сорск
Хакасской автономной обл.

Пионерская организация бездействует, но я считаю, что никакая замена ей не нужна. Потому что через пять лет и новая организация будет точно так же бездействовать, как сейчас пионерская.

Яна Лабунска,
8-й класс,
Таллинн

Без обратного адреса

Я чистокровная немка. В нашей семье говорят на немецком. Но больше я нигде не пользуюсь родным языком — меня просто обсмеют! Наш совхоз «Киевский» в общем-то многонациональный, и, наверное, это хорошо. Но я мечтаю, чтобы были в Казахстане немецкие школы, чтобы дети знали родной язык. Ведь я знаю немецкий только благодаря бабушке. Но не всем так повезло.

Как-то я с подругой разговаривала на улице по-немецки. Женщина, стоявшая рядом, стала кричать: «Пусть все немцы убираются в свою Германию!» Так и сказала «убираются»!

Но почему я должна «убираться» со своей родины? Ведь я здесь родилась.

Подписываться не буду, не хочу получить новые оскорбления.

С.,
Казахская ССР

От нас ждали честного ответа

Однажды на уроке русского языка нам предложили написать свое мнение об учителях. Учительницу географии у нас не любят, и поэтому мы написали в анкете, что она нас обзывает, урок объясняет плохо. Свои фамилии мы не писали. (И сейчас вам не пишем — поймете почему). Учительница по русскому сказала, что анкеты эти нужны завучу. Но географичка их прочитала, потому что она наш классный руководитель.

Конечно, и без фамилий ей было понятно, кто что написал. Крику было!

От нас требовали честности, а сами как поступили?

Галя М, Катя С.,
6-й класс,
Южно-Сахалинск

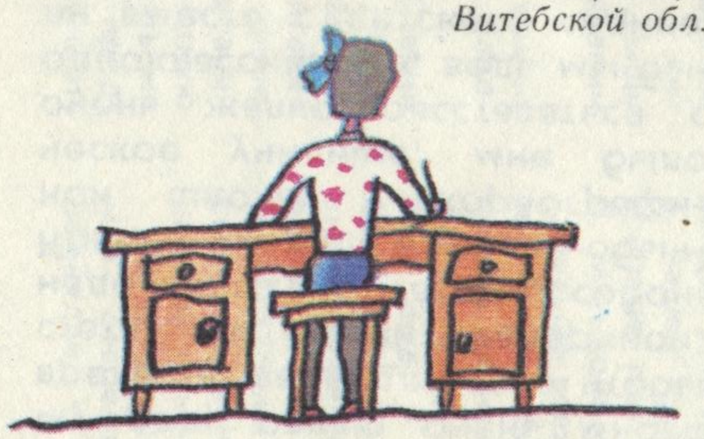
Неужели во всех школах такие ненормальные мальчики, как у нас??? Мы уже в седьмом классе, а они задирают нам юбки, оскорбляют, дерутся! Очень обидно!

Девочки из Днепропетровска

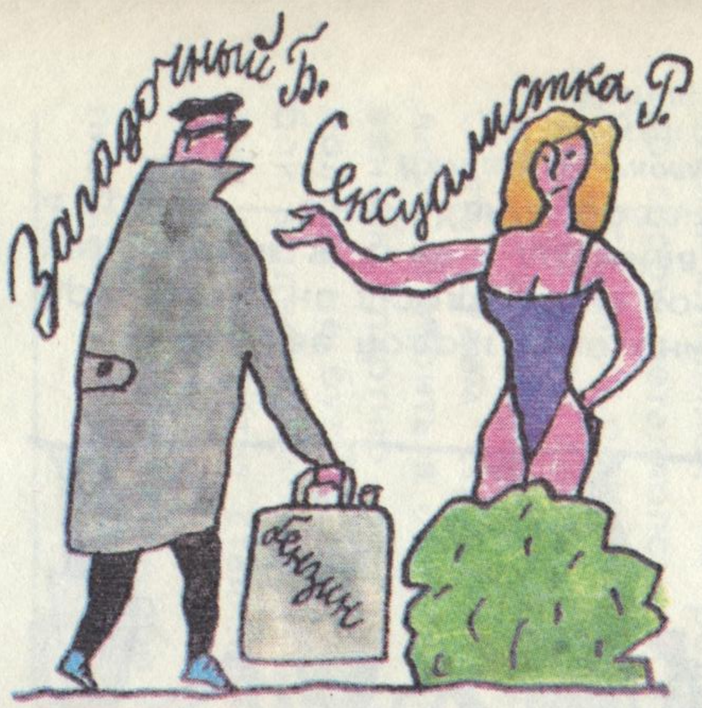
Выход запрещен

Мы захотели выйти из пионерской организации. Сначала было три человека, но когда нас немного припугнули, то осталось двое. Пионервожатая ничего не хотела слышать о нашем уходе. Она думала, что мы шутим. А когда поняла, что мы решили всерьез, рассказала нашей классной. Та целый день гоняла нас за галстуками и не успокоилась до тех пор, пока в школу не пришли наши родители. Родители нас поняли и поддержали. Но после этого нам по прилежанию поставили «уд.», хотя мы учимся лучше всех девочек в классе. По словам классной, только это и спасло нас от вызова на педсовет и выше.

О. Фираго и Н. Срыбная,
п. Домержицы
Витебской обл.



Загадочный Б. Сексуалистка Р.



Почему некоторые боятся писать свои фамилии? Например, вижу, что в прошлогодних выпусках загадочный А. Б. из Кировской области собрался вредить кооперативам, а испугался написать фамилию. Или эта «сексуалистка» Наташа Р.! Говорит: «Пишите о сексе», а сама — в кусты. Тоже почему-то испугалась.

Павел Василевский,
6-й класс,
Новомосковск
Тульской обл.

Нам кажется, и Аня, и Павлик — оба по-своему правы. Есть письма, которые иначе как криком души и не назовешь. Их авторы не ждут ответа редакции — им просто надо высказаться, быть услышанными. Так пусть для таких писем будет отныне в «Барабане» рубрика — «Без обратного адреса». Но пусть будет и другая — «Письмо смелого человека», например. Для тех, кто решился за что-то побороться, открыто высказать свое мнение, честно признаться в собственных ошибках, не боясь последствий.

Письмо смелого человека

Запуталась...

Когда я жила в деревне, старые люди всегда указывали, что хорошо, а что плохо. Они редко употребляли слова «милосердие», «чистосердечность», «доброта». Но и так, без слов, все было ясно. Раньше я как-то умела отличать, где хорошее, где плохое.

Сейчас мне 14. И я совершенно запуталась. У меня все слилось, нет границ между хорошим и плохим, правильным и неправильным. Не могу разобраться во многом сама. А газеты, телевидение и журналы запутывают еще больше...

Оля Потапова,
г. Киров,
8-й класс, школа № 6

Как бы всё сложилось дальше?

Я души не чаяла в своей подруге. Но однажды, когда я болела, она разболтала в классе мои самые сокровенные тайны, наговорила про меня всяких гадостей.

После этого целый год на переменах меня мучили самые большие мои враги — и она вместе с ними. Однажды я услышала, что они хотят разорвать мои вещи. И тут я не выдержала — оттаскала свою бывшую подругу за волосы! Несколько дней после этого она ко мне не подходила.

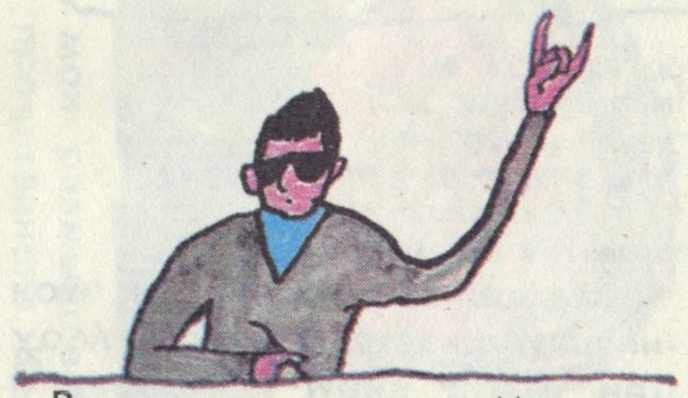
Не знаю, как бы у нас с ней все сложилось дальше, но, слава богу, она переехала в другое место.

Катя Белкина,
Москва
7-в класс, школа № 815

В прошлом году многие читатели с удовольствием отвечали на разные анкеты «Барабана». Чем ты увлекаешься? Умеешь ли дружить? — спрашивал «Барабан» ребят. Вот некоторые ответы.

Музыке я отдаю все время, какое у меня есть, но... не люблю я ее. Когда мне выдадут аттестат в музыкальной школе, мне будет нисколько не жаль с ней расстаться. А увлечение у меня другое — телевизор!

Ира,
8-й класс,
Новошахтинск
Приморского края



Вы спрашиваете: «Можешь ли ты заниматься своим любимым делом в кружке, в доме пионеров, в клубе?» Отвечаю: никогда. Рок и дом пионеров — вещи несовместимые!

Я хожу на рок-концерты, собираю публикации о роке.

Алиса Петровская,
15 лет,
Москва

Мое любимое занятие — шить одежду для кукол. Я никогда не стала бы этого делать в кружке или вообще при ком-то. Ненавижу, когда кто-нибудь смотрит, как я что-то делаю.

Света Тихова,
13 лет,
Краснодар

Я занимаюсь балетом. Своему делу отдаю очень много времени, ведь для того чтобы стать настоящей балериной, надо много работать над собой. Когда я уходила из своей обычной школы в хореографическое училище, мне было очень жалко расставаться с одноклассниками, ведь мы были вместе с детского садика.

Недавно они всем классом пришли ко мне на концерт. И мне, и им это было очень приятно!

Люда Гастерсова,
Баку

Очень люблю писать фантастические рассказы. С удовольствием занялась бы этим в каком-нибудь кружке или студии, но в нашем селе ничего такого нет.

Жаннат Берекполова,
с. Самарское
Казахской ССР

Мириться я не умею. Друг первым подходит ко мне и просит прощения, если он виноват. А если я... нас мирит наша компания.

Оля Лошкина,
п. Ключи
Курганской обл.

К дружбе втроем, вчетвером, впятером отношусь плохо — каждому надо угодить.

Лариса Осипова,
14 лет,
Стерлитамак

Чтобы не ссориться, я стараюсь понять моего друга, поставить себя на его место, никогда не обманываю его. А когда он рассказывает мне какую-то свою тайну, держу язык за зубами. По-моему, главное в дружбе — взаимопонимание.

Гульнара Асфандиярова,
Белорецк
Башкирской АССР

У меня две подруги, но они друг друга не любят. Одна хочет, чтобы я с ней дружила, а другая — с ней. Как выбрать?

Наташа Варенова,
3-й класс,
Мытищи

Я собираю модели самолетов и вертолетов. Моя мама говорит, чтобы я не склеивал их. Во-первых, уходит много денег, а во-вторых, клей воняет. Папа того же мнения.

Я хочу найти друга, который бы тоже коллекционировал модели. Чтобы моя мама не думала, что только я один собираю «это барахло».

Павлик Сочонок,
220050, БССР, Минск,
пр. Ленина, д. 19, кв. 121

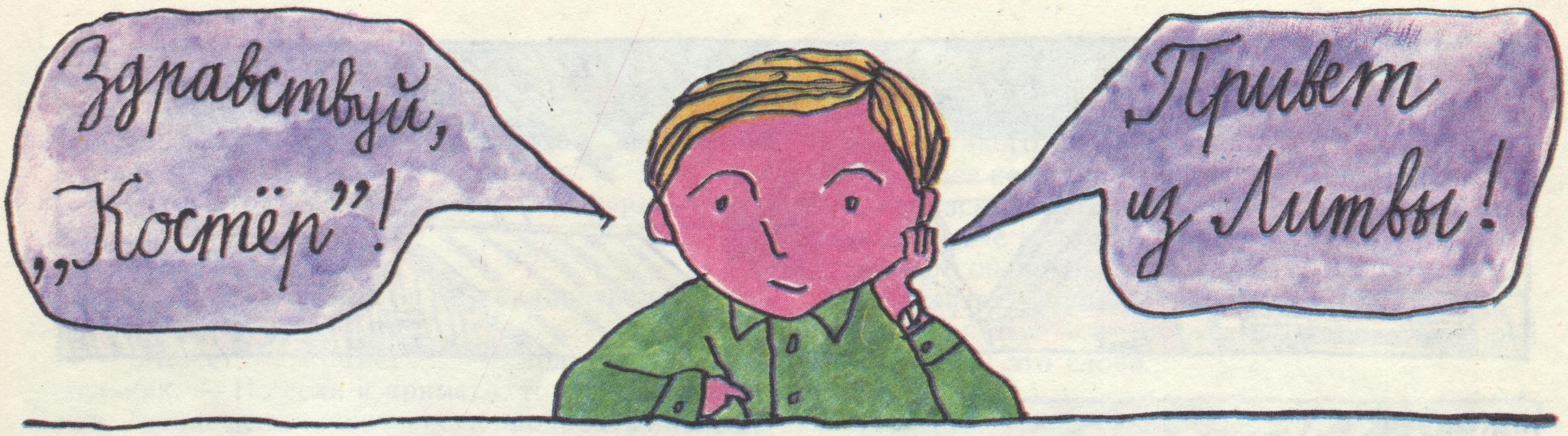
Так получилось, что после смерти нашей руководительницы КИД остался без помощи старших. Мы сами стараемся продолжить работу. Переписываемся с ребятами из союзных республик. А вот зарубежных адресов у нас нет. Если можете поделиться адресами, пишите нам: 121165, Москва, Студенческая ул., д. 30, стр. 1, кв. 14, КИД «Дружба».

И снег позеленеет...

Поселок у нас очень маленький — всего 4 дома. Подруг у меня достаточно, а друга — ни одного. Мальчишки, конечно, у нас есть, но... Я, например, люблю цветы. Но если бы кто-нибудь из мальчишек заговорил о цветах, да еще и без мата, наверное, сразу же пошел бы зеленый снег! Был один мальчик, который понимал меня, но он уехал, и теперь у меня друга нет. Хочу переписываться с мальчиком, который меня поймет.

Наташа Колосова,
Казахская ССР,
Талды-Курганская обл.,
Гвардейский район,
ст. Малай-Сары,
д. 1, кв. 36

Я очень интересуюсь историей религии. Пусть ребята, которые знают о каких-либо существовавших на Руси обрядах, церковных праздниках, напишут мне. Мой адрес: 457230, Челябинская область, Чесменский район, совхоз имени Горького, Октябрьская ул., д. 14, кв. 1. Зовут меня Оксана Щёлкова, мне 14 лет.



Читаю ваш журнал и размышляю. Решил написать. Вдумываюсь в смысл слова «перестройка» в письмах ребят. В письмах — вопросы, возмущение, обиды, просьбы. Я понимаю авторов. Понимаю их наивное стремление что-то изменить. Я сам такой. Но мне думается, что они (и некоторые взрослые) еще не до конца осознали, что такое перестройка. От их высказываний создается впечатление наигранности. Вот, мол, чем больше сказал (не имеет значения что), пожаловался, обиделся, тем лучше. Создается и впечатление, что перестройку понимают как временную кампанию, такую, как, например, пионерская акция «Миллион — родине» по сбору металлолома и т. д. Что все, мол, рано или поздно пройдет, вся перестройка. И опять все будет «хорошо». Опять будем строить социализм. И верить в одну-единственную партию — что она больше не будет делать ошибок, в одного человека — который не допустит сталинщины, брежневщины.

Нет, у меня речь не обо всех письмах о перестройке. Это просто мои размышления по поводу прочитанного. Как-то у вас было опубликовано интервью с народным депутатом СССР Ю. В. Поповым, что право на свою точку зрения имеют все. Вот и я...

Хотел бы продлить мысль о детях и о «взрослых делах». Существует такое мнение у взрослых дядей-депутатов, мол, вот уже и дети лезут во взрослые дела, по-иному, в политику.

Но я хотел бы спросить, а не сами ли они втянули детей в политику? Например: «За дело Коммунистической партии будь готов!» — «Всегда готов!» Всем знакомые призыв и отзыв. А знаете, как звучал призыв раньше? — «За дело Ленина — Сталина будь готов!» Не это ли взрослые дела?

Мое мнение и предложение.

Человек прежде всего рождается ЧЕЛОВЕКОМ, а потом уже он коммунист или буржуй и т. д., когда вырастет.

Поэтому я предлагаю... Нет, пока что я предлагать не буду. Я хочу узнать, что думают мои сверстники о поднятой проблеме «взрослых дел». Вызываю на диалог-спор всех людей, желающих выявить для себя истину...

В «Барабане» было обещано рассказать об организации скаутов. Благородное дело! Но или это опять пресловутый бюрократизм, или у вас нет материала о скаутах.

Предлагаю свою помощь, консультацию. Так как вы, наверное, догадались, я сам являюсь литовским скаутом.

НО ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО МОЕ МНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНО СОВПАДАЕТ С МНЕНИЕМ ВСЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ!

Прошу простить, если кого-то ущемил нетактичным изложением. Но таков плюрализм.

С большим уважением и вниманием брат Владас

Линаускас,
член Литовского Союза Скаутов,
г. Мажейкяй

ЭТО ИНТЕРЕСНО

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ПЛЮС И МИНУС!

Сегодня мы и представить себе не можем, что когда-то в математике не было ни плюсов, ни минусов, ни дробей... А между тем их тоже изобретали, и у каждого знака имеется свой автор.

Знаки сложения и вычитания появились в конце XV века. В 1489 году чешский купец Я. Видман выпустил книгу «Быстрый и красивый способ счета для всякого рода торговли». Книга эта многократно переиздавалась, читали ее не только торговые люди, и знаки плюс и минус быстро получили права гражданства.

А вот знак равенства, столь необходимый в счете, отстал от плюса и минуса на несколько десятилетий. Лишь в 1557 году придумал его англичанин Р. Рекорд.

Приблизительно тогда же немец А. Ризе начал применять в своих работах знак извлечения корня.

В 1585 году голландец С. Стевин издал в Лейдене небольшую брошюрку под названием «Десятая», в которой предложил способ написания десятичных дробей. Правда, не очень удачный: без запятой. При написании дробей он предлагал каждую четную цифру брать в кружочек. Отделять же целые числа запятой или точкой предложил изобретатель логарифмов шотландец Дж. Непер в 1616—1617 годах. В нашей стране десятичные дроби впервые появились в «Арифметике» Л. Магницкого в 1703 году.

Больше всех изобретений в математической письменности сделал, очевидно, выдающийся немецкий математик Готфрид Лейбниц. (Он, кстати, был еще и языковедом.) Именно Лейбниц предложил обозначать действия умножения одной точкой, а деления — двумя. Он же ввел в математику и термин «функция» и с 1675 года стал применять для обозначения интегрирования символ «S».

Само же слово «интеграл» придумал современник Лейбница Яков Бернулли.

В. СУСЛОВ

Н. КОНЯЕВ

Рисунки К. Почтенной

ЗАСОХШИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Сколько помню себя — всегда говорили о деревне. О том, что надо ее возрождать, надо перестраивать, надо механизировать, надо укрупнять, надо... Впрочем мало ли чего было нужно от деревни в послевоенные годы?

Но я сам вырос в небольшом поселке на Онежском озере, и я помню, как вначале уклад — добро и благость, а следом и достаток исчезали под эти разговоры из деревень. Еще труднее и больней уходила с нашей земли красота. Не сразу выжили мощные гусеничные трактора зелень с деревенских улиц, не сразу омертвели ставшие в стороне от больших дорог хуторки, не за один год позарастали гнилой ольхою лесные дороги и тропинки. Не сразу: «Овчинка выделки не стоит!» — прозвучали пренебрежительные слова о нашей северной земле.

Эта пословица особая для меня.

Хотя отец и работал учителем в школе, но жили мы, как все, и как все в поселке, держали корову, овец, теленка. Картошка, молоко, мясо — все было свое. Своей была и часть одежды на нас. Мать стригла овец, зимними вечерами пряла нитки и вязала нам из них рукавицы, свитера, из этой же шерсти были скатаны валенки. Овчины тоже не пропадали. Долгие годы отец ходил в полусамодельном полушубке.

Но потом все изменилось.

Скорняк, что жил у нас в поселке, перебрался в город, да и овец сразу вдруг стало меньше у нас в поселке. При Никите Сергеевиче Хрущеве ввели такой налог, что разорительно стало держать их. И все-таки еще несколько лет две-три овцы были у нас. Только некуда стало девать овчины. Правильно ведь сказано в пословице про овчинку, которая не стоит выделки. Что пошьешь из нее? Лучше и не связываться.

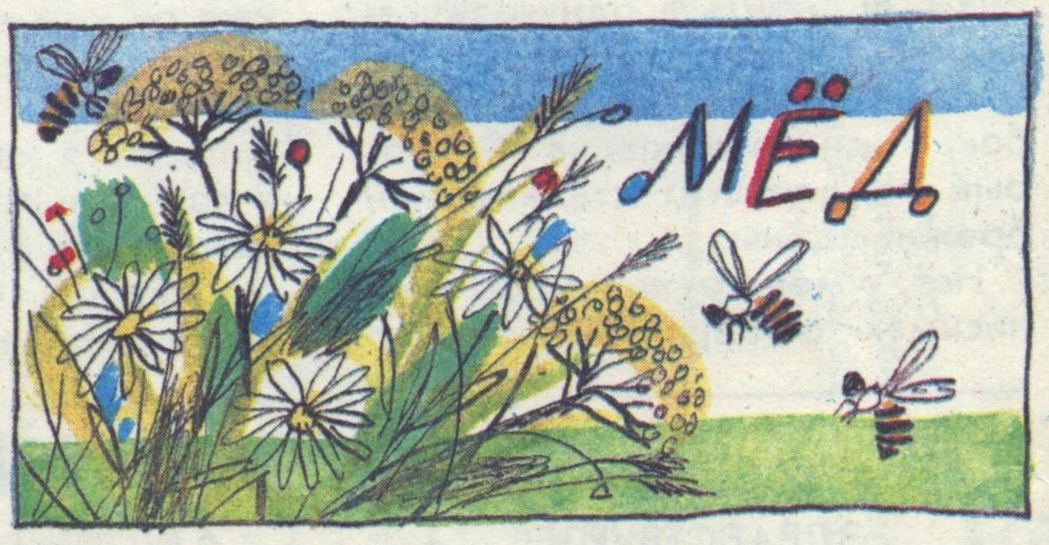
Но хотя и отец и мать понимали это, инерция крестьянской рачительной жизни, в которой не пропадает ничего без пользы, жила в них, и шкуры они не выбрасывали, обсуждали, что можно накопить овчинки и свезти в деревню Лябушки, где жил еще один старик-скорняк, надо только подкопить побольше... Но не подкопили, не свезли, а потом и старик тот в Лябушках умер, никому не передав своего ремесла, и так и висели овчинки у нас на чердаке. Засыхая, превращались они в волосатую жесть.

И сейчас мне кажется, что и не овчинки это были, а сами пословицы, вобравшие в себя мудрость и красоту народной жизни, засыхали на нашем чердаке.

Много лет спустя, вернувшись на лето в свой опустевший после смерти родителей дом, я выбросил негодные, гремящие как железо, запылившиеся овчины.

Помню странное чувство облегчения, когда схватились огнем на пустыре за домом шкуры наших Буренок и Ночек, так и не выделанные, негнущиеся овчинки. Но скоро едко потянуло от костра, и пришлось спрятаться в доме от черного, едкого дыма засохших пословиц.

Все взаимосвязано в мире. И засохшие пословицы, и обезлюдевшие деревни, и отмирание древних умений.. И сейчас, когда снова заговорили о возрождении села, когда приняты новые, нужные законы о земле, главное, быть может, не только наполнить деревню фермерами и арендаторами, а и возродить народную культуру. Многое, правда, исчезло без следа, и собирать приходится по крупицам...



Уже две недели ездили мы по колхозам, но так и не довелось пока попробовать знаменитого здешнего меда. Это было тем более досадно, что повсюду мы видели ульи, небольшие пасеки.

Но скучнели хозяева их, едва заходил разговор о меде.

— Болеют сей год пчелы...— вздыхая, объясняли они. — Привязалась зараза какая-то... Прямо эпидемия. У всех пчелы больны. Даже из ульев не вылезают.

Угостил нас медом только мельник, хозяин последней в области действующей водяной мельницы.

— Пчелы-то? — переспросил он. — Не, не болеют у меня они. — Он усмехнулся. — Я ведь не продаю мед, так только, для себя да еще угостить кого и держу. Вот они и не болеют.

— Что это? — спросил я. — Поверье такое, примета?

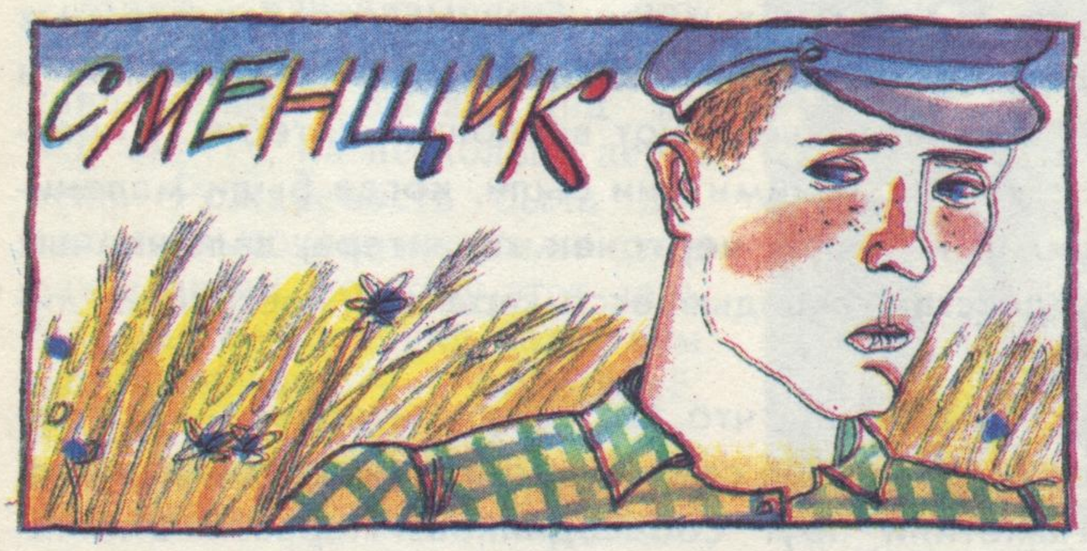
— Какая примета?!

— Ну, это... Что если не продавать мед, то и пчелы болеть не будут?

— Может, и примета... — подумав, ответил мельник. — Но если и примета, то очень правильная. Тут же дело такое — если продавать начнешь, трудно уже от соблазну удержаться. Побольше выкачать хочется. Вот и выкачивают до остатка, а пчелам на зиму сахар ставят. Оно, конечно, и ничего, и на сахаре вроде бы живут пчелки, а только уже не те... И летают не так, и болеют часто. Всякие пустяки к ним привязываются. Тут уже и не уследишь за ними. Потому и получается, что если и примета это, то примета верная.

— Ну, не все же такие... — сказал я. — Есть ведь пчеловоды, которые и мед продают, и не выкачивают его все равно до конца. Оставляют пчелам...

— Да я и не говорю про всех... — вздохнул мельник. — Я про себя говорю.



С комбайнером Николаем Сергеевичем Овчинниковым я провел целый день. Колючий и душный день страды...

Сам Николай Сергеевич уже подошел к своим шестидесяти годам, скоро ему на пенсию, но замена для него есть. Весь день нахваливал Николай Сергеевич своего сменщика.

— Очень старательный парень! — говорил он то и дело. — Просто замечательный, хоть и не местный. Любит работу, а главное, серьезный очень. Редко когда улыбнется...

К концу дня я увидел и самого сменщика.

Это был высокий, русоволосый и неулыбчивый мужик лет тридцати. На Псковщину он переехал четыре года назад из Ленинграда, а сам он — ярославский.

— В общаге жил... — объяснил он. — А с семьей какая там жизнь?

— А чего же не к себе, а сюда? — поинтересовался я.

— Дом здесь дали... — коротко ответил парень и полез на комбайн.

— Да он же с Пешехонья! — улыбнулся Николай Сергеевич. — А там знаете как все? Слушай, Петрович, это правда, что у вас корову, перед тем как забить, на чердак затаскивают?

— Не знаю... — не улыбнувшись, уже с комбайна, ответил сменщик. — Давно уже у себя не был, может, теперь там и так. А раньше нет... Раньше такого не было.

Он завел комбайн и медленно двинулся по полю. Опустилась жатка и закрутилась, подбирая в себя наполненные золотым зерном колосья.

— Вот он какой... — провожая взглядом комбайн, сказал Николай Сергеевич. — Сменщик...

И непонятна мне была интонация, с которой произнес он это слово.

— Да найдете, найдете вы мой дом! — сказал агроном. — Я в двухэтажке живу. Ну в том доме, который возле «Сказки»...

— Какой сказки?!

— А вы спросите, когда искать меня будете. «Сказку» вам любой покажет!

Действительно, вечером я без труда разыскал «Сказку».

Ею оказался небольшой деревянный домик, поставленный на полозья-бревна и густо осыпанный кружевами резьбы.

Веселый дымок завивался над трубой.

В домике, как объяснила словоохотливая повариха, размещалась кухня. Здесь готовили обеды для комбайнеров.

— А сделали-то ее для школьников. У нас тогда лагерь был, там, у речки... Вот покойный Ферапонтыч и смастерил ее для робят.

— Значит, с тех пор и зовете ее «Сказкой»? — усмехнулся я.

— А как же? — повариха чуть нахмурилась.— Сказка и есть самая настоящая. Лагеря, почитай уже сколько лет нет, а она живет. И ведь куда только не тягали ее. Трактор подцепит и тянет куда надо.

— И это с печкой-то?! — изумился я.

— С печкой! — с гордостью подтвердила повариха. — Я поначалу боялась, а теперь так и внимания не беру. Труба качается, а я еду и кашу варю. Говорю же, Ферапонтыч клал. Чего бояться? Крепкая...

И она вздохнула тяжело, вспоминая, должно быть, этого своего Ферапонтыча.

— Вот... — сказала она. — Такой и был человек. Выдумщик, на все руки мастер.

Я простился и вышел.

Надо было идти к агроному, с которым мы договорились сегодня встретиться. Идти в двухэтажный каменный дом, который стоял в нынешнее лето возле «Сказки».

Возле сказки, сложенной неведомым мне деревенским умельцем Ферапонтычем...

Псковская область

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ РОВЕСНИКОВ

Шестиклассница ***Оксана Рогожкина*** *из Москвы просто в отчаянии. Она поссорилась с лучшей подругой. «Костер» надеется, что когда ее подружка прочтет это стихотворение, они с Оксаной снова помирятся.*

Я ПОССОРИЛАСЬ С ПОДРУЖКОЙ

Что мне делать?
Как мне быть?
Как я дальше буду жить?
Я поссорилась с подружкой.
Это дело не игрушка...
Мы так дружно с нею жили!
Вместе к речке с ней ходили,
Вместе в магазин шагали,
Вместе песни распевали...

Помириться с ней охота,
Без нее вся жизнь — болото.

Третьеклассник ***Сережа Козаков*** *живет в деревне Матурино Вологодской области. «Я очень люблю молоко и плюшки,— пишет Сережа,— поэтому толстенький». Но Сережу никто не дразнит. Наверное, потому, что и сам он относится к себе с юмором.*

ЧТО Я ЛЮБЛЮ

Люблю я бабушкины пышки,
Еще люблю читать я книжки,
Еще люблю ходить в кино
И стих люблю «Бородино»,
Еще люблю считать ворон,
Люблю купейный я вагон,
Но не люблю ходить к врачу
И зубы чистить не хочу.

ДЕТСТВО БЫЛО

Борис ЕЛЬЦИН

С этого номера мы начинаем печатать материалы о советских и зарубежных государственных деятелях — людях, которые своими делами и поступками вызывают всеобщий интерес. Хочется узнать, какими они были, когда были маленькими, из каких черточек характера, заложенных в детстве, складывается характер настоящих лидеров.

Мы решили, что это будут интервью — вопросы и ответы — самый простой и честный жанр. Наметили круг собеседников. Первым откликнулся на просьбу «Костра» Борис Николаевич Ельцин, от него мы получили главу из книги «Исповедь на заданную тему». В ту пору она еще не была напечатана, а сам Борис Николаевич только что стал Председателем Верховного Совета РСФСР.

ОЧЕНЬ ТЯЖЕЛОЕ...

«Когда началось Ваше становление бунтаря?»
«В кого Ваш характер — в отца или мать? Расскажите чуть подробнее о родителях».
«Говорят, что Вы были настоящим спортсменом и даже играли за команду мастеров... Это слухи или правда?»

(Из записок москвичей во время встреч, митингов, собраний)

Я родился 1 февраля 1931 года, в селе Бутка Талицкого района Свердловской области, где жили почти все мои предки. Пахали землю, сеяли хлеб, в общем, существовали, как и многие другие.

Отец женился здесь же: был на деревне род Ельциных и род Старыгиных, это фамилия матери. Они поженились, и скоро на свет появился я — их первый ребенок.

Мама рассказывала, как меня крестили. Церквушка со священником была одна на всю округу, на несколько деревень. Рождаемость была довольно высокая, крестили один раз в месяц, поэтому этот день был для священника более чем напряженный — родителей, младенцев, верующих — полным-полно. Крещение проводилось самым примитивным образом — существовала бадья с некоей святой жидкостью, то есть с водой и какими-то приправами, туда опускали ребенка с головой, потом, визжавшего, поднимали, крестили, нарекали именем и записывали в церковную книгу. Ну и, как принято в деревнях, священнику родители подносили стакан бражки, самогона, водки — кто что мог...

Учитывая, что очередь до меня дошла только ко второй половине дня, священник уже с трудом держался на ногах. Мама, Клавдия Васильевна, и отец, Николай Игнатьевич, подали ему меня, священник опустил в эту бадью, а вынуть забыл, давай о чем-то с публикой рассуждать и спорить... Родители были на расстоянии от этой купели, не поняли сначала, в чем дело. А когда поняли, мама, крича, подскочила и поймала меня где-то на дне, вытащила. Откачали... Не хочу сказать, что после этого у меня сложилось какое-то определенное отношение к религии,— конечно же, нет. Но, тем не менее, такой курьезный факт был. Кстати, батюшка сильно не расстроился. Сказал: ну, раз выдержал такое испытание, значит, самый крепкий, и нарекается у нас Борисом.

Так я и стал — Борис Николаевич.

Маленький Боря с родителями

Детство было очень тяжелое. Еды не было. Страшные неурожаи. Всех позагоняли в колхоз — тогда было поголовное раскулачивание. К тому же кругом орудовали банды, почти каждый день перестрелки, убийства, воровство.

Мы жили бедновато. Домик небольшой, корова. Была лошадь, но и она вскоре пала. Так что пахать было не на чем. Как и все — вступили в колхоз... В 35-м году, когда уже и корова сдохла и стало совсем невмоготу, дед, ему было уже около шестидесяти, начал ходить по домам — класть печки. Он, кроме того, что пахарем был, умел еще и столярничать, плотничать, в общем, на все руки мастер.

Отец тогда решил все-таки податься куда-то на стройку, чтобы спасти семью. Это был так называемый период индустриализации. Он знал, что рядом, в Пермской области, на строительство Березниковского калийного комбината требуются строители — туда и поехали. Сами запряглись в телегу, побросали последние вещички, что были,— и на станцию, до которой шагать 32 километра.

Оказались мы в Березниках. Отец завербовался на стройку рабочим. Поселили нас в барак — типичный по тем временам, да и сохраняющийся кое-где еще и сегодня,— деревянный, дощатый, продуваемый насквозь. Общий коридор и 20 комнатушек, никаких, конечно, удобств, на улице туалет, на улице же и вода из колодца. Дали нам кое-что из вещей, мы купили козу. Уже родился у меня брат, родилась младшая сестренка. Вот мы вшестером, вместе с козой,— все на полу, прижавшись друг другу, и спали. С шести лет, собственно, домашнее хозяйство было на мне. И за младшими ребятишками ухаживать — одну в люльке качать, за другим следить, чтобы не нахулиганил, и по хозяйству — картошку сварить, посуду помыть, воды принести...

Мать, которая с детства научилась шить, работала швеей, а отец — рабочим на стройке. У мамы мягкий, добрый характер, она всем помогала, обшивала всех — кому надо юбку, кому платье, то родным, то соседям. Ночью сядет и шьет. Никаких денег за работу не брала. Просто, если кто полбулочки хлеба или еще что-нибудь из еды принесет,— на том и спасибо. А у отца характер был крутой, как у деда. Наверное, передалось это и мне.

Постоянно из-за меня у них с мамой случались споры. У отца главным средством воспитания был ремень, и за провинности он меня здорово наказывал. Если что-то где случалось — или у соседа яблоню испортили, или в школе учительнице немецкого языка насолили, или еще что-нибудь, ни слова не говоря он брался за ремень. Всегда происходило это молча, только мама плакала, рвалась: не тронь! — а он двери закроет, говорит: ложись. Лежу, рубаха вверх, штаны

вниз, надо сказать, основательно он прикладывался... Я, конечно, зубы сожму, ни звука, это его злило, но все-таки мама врывалась, отнимала у него ремень, отталкивала, вставала между нами. В общем, она была вечной защитницей моей.

Отец все время что-то изобретал. Например, мечтал изобрести автомат для кирпичной кладки, рисовал его, чертил, придумывал, высчитывал, опять чертил, это была его какая-то голубая мечта. До сих пор такой автомат никто не изобрел, к сожалению, хотя и сейчас целые институты ломают над этим головы. Он мне все рассказывал, что это будет за автомат, как он будет работать: кирпич укладывать, и раствор, и затирать, и передвигаться как будет,— все у него было в голове задумано, в общих схемах нарисовано, но в металле осуществить свою идею ему не удалось.

Отец скончался в 72 года, хотя все деды, прадеды жили за девяносто, а маме сейчас 83, она живет с моим братом в Свердловске, а брат работает на стройке, рабочим.

Просуществовали мы таким образом в бараке десять лет. Как это ни странно, но народ в таких трудных условиях был как-то дружен. Учитывая, что звукоизоляции... — впрочем, тогда такого слова не знали, а соответственно, ее и не было, в общем, если в любой из комнат было веселье — то ли именины, то ли свадьба, то ли еще что-нибудь, заводили патефон, пластинок было 2—3 на весь барак, как сейчас помню, особенно: «Щорс идет под знаменем, командир полка...» — пел весь барак. Ссоры, разговоры, скандалы, секреты, смех — весь барак слышит, все всё знают.

Может, потому мне так ненавистны эти бараки, что до сих пор помню, как тяжело нам жилось. Особенно зимой, когда негде было спрятаться от мороза,— одежды не было, спасала коза. Помню, к ней прижмешься, она теплая, как печка. Она нас спасала и во время всей войны. Все-таки жирное молоко, хотя она и давала меньше литра в день, но детям хватало, чтобы выжить.

Ну и, конечно, уже тогда подрабатывали. Мы с мамой каждое лето уезжали в какой-нибудь ближайший колхоз: брали несколько гектаров лугов и косили траву, скирдовали, в общем, заготавливали сено, половину колхозу, половину себе. А свою половину продавали, чтобы потом за 100—150 рублей, а то и за 200, купить буханку хлеба.

Вот, собственно, так детство и прошло. Довольно безрадостное, ни о каких, конечно, сладостях, деликатесах или о чем-нибудь вроде этого и речи не шло — только бы выжить, выжить и выжить.

Школа. Своей активностью, напористостью я выделялся среди ребят, и так получилось, что с первого класса и до последнего, хотя учился я в разных школах, всегда меня избирали старостой класса. С учебой всегда было все в порядке — одни пятерки, а вот с поведением — тут похвалиться мне труднее, не один раз я был на грани того, что со школой придется распрощаться. Все годы был заводила, что-нибудь да придумывал.

Скажем, это было классе в пятом, со второго этажа школы, из кабинета вниз все выпрыгнем, классная (ее мы не любили) заходит, а нас нет, класс пустой. Она сразу к дежурному, он говорит: да нет, никто не выходил. Рядом со школой сарайчик был, мы там располагались и друг другу всякие истории рассказывали. Потом возвращались, а там каждому поставлен кол, прямо так — лист журнальный и кол, кол, кол сверху донизу. Мы — протест. Говорим, давайте спрашивайте нас, за поведение, действительно, наказывайте, а предмет мы выучили. Приходит директор, устраивает целый консилиум, спрашивают нас часа два. Ну, мы, конечно, все назубок выучили, кого ни вызывают — все отвечают, даже те, кто неважно учился. В общем, перечеркнули эти колы, но, правда, за поведение нам поставили двойки. Случались и, прямо скажу, хулиганские выходки. Мы тогда заведенные в отношении немцев были, а изучали немецкий язык. И нередко просто издевались над учительницей немецкого языка, причем потом-то, когда вырос, мне уж было стыдно, хорошая учительница, умная, знающая, а мы в те времена в знак мальчишеского протеста ее просто мучили. Например, патефонные иголки в стул снизу вбивали, вроде, на первый взгляд, незаметно, но они торчат. Учительница садилась, раздавался крик. Мы следили, чтобы иголки чуть-чуть торчали, но все равно на них, естественно не усидишь. Опять скандал, опять педсовет, опять родители.

Или вот еще наши проказы. Речушка была, Зырянка, весной она разливалась и становилась серьезной рекой, по ней сплавляли лес. И мы придумали игру, кто по этому сплавляемому лесу перебежит на другой берег. Бревна шли плотно, так что если все точно рассчитаешь, то шанс перебраться на другой берег был. Хотя ловкость нужна для этого неимоверная. Наступишь на бревно, оно норовит крутануться, а чуть замедлил секунду — уходит вниз под воду, и нужно быстро-быстро с одного бревна на другое, балансируя, прыгая, передвигаться к берегу. А чуть не рассчитал — и бултых в ледяную воду, а сверху

бревна, они не пускают голову над водой поднять, пока сквозь них продерешься, воздух глотнешь, уже и не веришь, что спасешься. Вот такие забавные игры придумывали.

Еще у нас бои проходили — район на район, человек по 60, 100 дралось. Я всегда участвовал в этих боях, хотя и попадало порядочно. Когда стенка на стенку, какой бы ловкий и сильный ни был, все равно в конце концов по голове перепадет. У меня переносица до сих пор, как у боксера, оглоблей саданули. Упал, думал, конец, в глазах потемнело. Но ничего, все-таки очухался, пришел в себя, дотащили меня до дома. До смертельных исходов дело не доходило, мы хоть и с азартом дрались, но все-таки некие рамки соблюдались. Скорее это было спортивное состязание, но на очень жестких условиях.

Однажды меня из школы все-таки выгнали. Это произошло после окончания семилетки. В зале собрались родители, преподаватели, школьники, настроение веселое, приподнятое. Каждому торжественно вручают свидетельство. Все шло по привычному сценарию... И тут вдруг я попросил слово. Почти как на октябрьском Пленуме ЦК. Ни у кого не было сомнений, что я выйду и скажу слова благодарности и все такое прочее, все-таки экзамены сдал отлично, в аттестате одни пятерки, поэтому меня сразу пустили на сцену. Я, конечно, сказал добрые слова тем учителям, которые действительно дали нам немало полезного в жизни, развивали привычку думать, читать. Ну а дальше я заявляю, что наш классный руководитель не имеет права быть учителем, воспитателем детей — она их калечит.

Учительница была кошмарная. Она могла ударить тяжелой линейкой, могла поставить в угол, могла унизить парня перед девочкой и наоборот. Заставляла у себя дома прибираться. Для ее поросенка по всей округе класс должен был искать пищевые отбросы, ну и так далее... Я этого, конечно, никак не мог стерпеть. Ребята отказывались ей подчиняться, но некоторые все-таки поддавались.

Короче, на этом торжественном собрании я рассказал, как она издевалась над учениками, топтала собственное достоинство ребят, делала все, чтобы унизить любого ученика — сильного, слабого, среднего, и с довольно яркими примерами, очень резко обрушился на нее. Скандал, переполох. Всё мероприятие было сорвано.

На следующий день — педсовет, вызвали отца, сказали ему, что свидетельство у меня отнимают, а вручают мне так называемый «волчий билет» — это такой беленький листочек бумажки, где вверху написано, что прослушал семилетку, а внизу — «без права поступления в восьмой класс на территории страны». Отец пришел домой злой, взялся, как это нередко бывало, за ремень,— и вот тут-то я схватил его руку. Первый раз. И сказал: «Все! Дальше я буду воспитывать себя сам». И больше уже никогда я в углу не стоял целыми ночами и ремнем по мне не ходили.

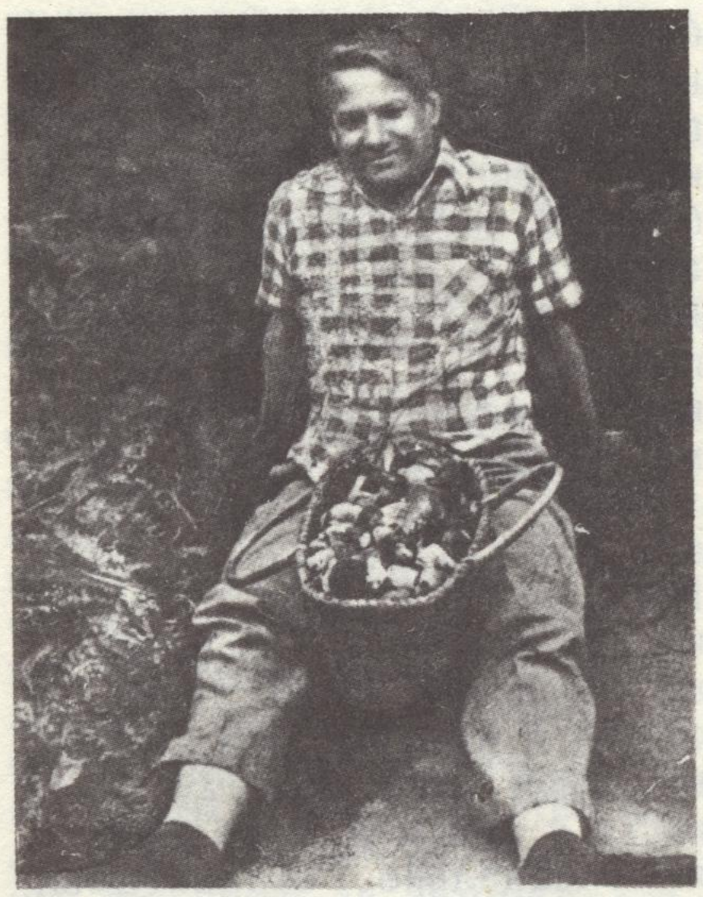
Конечно же, я не согласился с решением педсовета, стал ходить всюду: в районо, гороно... Кажется, тогда первый раз и узнал, что такое горком партии. Я добился создания комиссии, которая проверила работу классного руководителя и отстранила ее от работы в школе. И это абсолютно заслуженно, ей противопоказано было работать с детьми. А мне все-таки выдали свидетельство, хотя среди всех пятерок красовалось «неудовлетворительно» за дисциплину. Я решил в эту школу не возвращаться, поступил в восьмой класс в другую школу, имени Пушкина, о которой у меня до сих пор остались теплые воспоминания: прекрасный коллектив, прекрасный классный руководитель Антонина Павловна Хонина. Вот это действительно была настоящая учеба.

Тогда я начал активно заниматься спортом. Меня сразу пленил волейбол, и я готов был играть целыми днями напролет. Мне нравилось, что мяч слушается меня, что я могу взять в неимоверном прыжке самый безнадежный мяч. Одновременно занимался и лыжами, и гимнастикой, и легкой атлетикой, десятиборьем, боксом, борьбой, хотелось все охватить, абсолютно все уметь делать. Но в конце концов волейбол пересилил все, и им я уже занялся совсем серьезно. Все время находился с мячом, даже ложась спать, засыпал, а рука все равно оставалась на мяче. Просыпался, и сразу тренировка, сам для себя,— то на пальце мяч-кручу, то об стенку, то об пол. У меня нет двух пальцев на левой руке, поэтому трудности с приемом мяча были и я специально отрабатывал собственный прием, особое положение левой руки, и у меня своеобразный, неклассический прием мяча.

А с потерей двух пальцев случилась вот какая история.

Война, все ребята стремились на фронт, но нас, естественно, не пускали. Делали пистолеты, ружья, даже пушку. Решили найти гранаты и разобрать их, чтобы изучить и понять, что там внутри. Я взялся проникнуть в церковь (там находился склад военных). Ночью пролез через три полосы колючей проволоки и, пока часовой находился на другой стороне, пропилил решетку в окне, забрался внутрь, взял две гранаты РГД-33 с запалами и, к счастью, благополучно (часовой стрелял бы без предупреждения) выбрался обратно. Уехали километров за 60 в лес, решили гранаты разобрать. Ребят все же догадался уговорить отойти метров за 100: бил молотком, стоя на коленях, а гранату положил на камень. А вот запал не вынул, не знал. Взрыв... и пальцев нет. Ребят не тронуло. Пока добирался до города, несколько раз терял сознание. В больнице под расписку отца (началась гангрена) сделали операцию, пальцы отрезали, в школе я появился с перевязанной белой рукой.

Каждое лето я подрабатывал. Но, кроме этого, в летние каникулы организовывал ребят на какое-нибудь путешествие. Причем придумывали что-нибудь особенное: или найти исток какой-то реки, или куда-нибудь



На отдыхе

на Денежкин камень, или что-нибудь в этом духе. В общем, это сотни километров с рюкзаками, жизнь в тайге по несколько недель.

Так случилось, что после девятого класса мы решили найти, откуда берет свое начало река Яйва. Очень долго поднимались по тайге вверх — по карте мы знали, что исток реки находится около Уральского хребта. То, что взяли с собой из еды,— скоро кончилось, питались тем, что находили в лесу, в тайге. Поспели орехи, жарили грибы, ели ягоды. Лес уральский очень богатый. Прожить там, конечно, можно какое-то время. Шли долго, уже никаких дорог, ничего, одна тайга... Иногда попадалась какая-нибудь охотничья избушка, там ночевали, а в основном или шалаш строили, или просто под открытым небом устраивались.

Нашли исток реки — сероводородный ключ. Обрадовались. Можно было возвращаться. Несколько километров спускались вниз до первой деревушки. К тому моменту уже порядочно выдохлись. Собрали кто что мог — рюкзак, рубашку, ремень,— в общем, все, что было у нас, вошли в избушку, отдали хозяину, выпросили у него взамен небольшую лодочку, плоскодонку деревянную, и на этой плоскодонке — вниз по реке, сил идти уже не было. Места были красивые, да они и сейчас там прекрасные, люди не смогли все испортить за это время. Плывем мы, вдруг вверху, в горах, заметили пещеру, решили остановиться посмотреть. Вошли. Вела-вела она нас, вела и вдруг вывела куда-то в глубь тайги. Туда-сюда, не можем понять, где мы, короче говоря, заблудились, потеряли нашу лодочку. Почти неделю пробродили по тайге, причем ничего с собой не взяли, а тут, к несчастью, оказалось такое болотистое место, лес-подросток,— в общем, он немного давал, чтобы хоть чем-то питаться, и совершенно не давал никакой воды. Болотную жижу вместе со мхом складывали в рубашку, сжимали ее, и ту жижу, что текла из рубашки, пили.

В конце концов мы все-таки вышли к реке, нашли нашу плоскодонку, сориентировались, но из-за грязной воды у нас начался брюшной тиф. У всех. Температура — сорок с лишним, у меня тоже, но я на правах, так сказать, организатора, держусь. На руках перетащил ребят в лодку, уложил на дно, а сам из последних сил пытался не потерять сознание, чтобы лодкой хоть как-то управлять, она шла вниз по течению. У самого оставались силы только подавать ребятам из речки воду, обрызгивать их — было все на жаре. Они потеряли сознание, а скоро и я стал впадать в беспамятство. Около одного железнодорожного моста решил, что все равно нас заметят, примкнул к берегу и сам рухнул. Нас действительно увидели, подобрали, привезли в город, а уже месяц, как занятия в школе начались, и, конечно, все разыскивали нас.

Мы пролежали в больнице почти три месяца с брюшным тифом. Лекарств особых не было. Ну а тут десятый класс, последний, выпускной, а я практически ни разу за парту не сел. Но, начиная с середины учебного года, то есть с третьей четверти, я начал заниматься. Взял программу десятого класса. Очень много читал и учил, буквально день и ночь. И, когда начались выпускные экзамены, пошел сдавать. А мои друзья, кто со мной участвовал в этом драматическом походе, решили просто десятый класс пропустить.

Пришел в школу сдавать экзамены, а мне говорят, что нет такой формы — не бывает экстерна в выпускном классе и что я могу гулять. Опять пришлось, учитывая, что дорожка уже знакомая, идти по проторенному пути: районо, гороно, исполком, горком. Тогда я уже выступал за сборную города по волейболу. К счастью, знали меня, был чемпионом города среди школьников по нескольким видам спорта, чемпионом области по волейболу. Короче, разрешили сдать экстерном — правда, всех пятерок мне не удалось получить, по двум предметам поставили четверки, по остальным пятерки. Вот с таким багажом я должен был поступать в институт.

Подростком я мечтал поступить в судостроительный институт, изучал корабли, пытался понять, как они строятся, причем сел за серьезные тома, учебники. Но как-то постепенно привлекла меня профессия строителя, наверное, потому что я и рабочим уже поработал, и отец строитель, а он к тому моменту кончил курсы мастеров и стал мастером, начальником участка.

Прежде чем поступить в Уральский политехнический институт на строительный факультет, мне предстояло пройти еще один экзамен. Состоял он в том, что мне надо было поехать к деду, ему тогда уже было за семьдесят, это такой внушительный старик, с бородищей, с самобытным умом, так вот — он мне сказал: «Я тебя не пущу в строители, если ты сам, своими руками, что-нибудь не построишь. А построишь ты мне баньку. Небольшую, во дворе, с предбанничком».

И действительно, у нас никогда не было баньки; у соседей была, а у нас нет, все не было возможности построить. А дед продолжает: «Но только так — сделай сруб, крышу, все строить будешь один, стало быть, от начала до конца. За мной только — с леспромхозом договориться, чтобы отвели делянку, а дальше опять ты сам — и сосны спилить, и мох заготовить, и обчистить, и обсушить, и все эти бревна на себе пере-

тащить,— а это километра три — туда, к домику, на место, где надо строить баньку, сделать фундамент и сделать сруб от начала до конца, до верхнего венца. Вот. «Я,— говорит,— к тебе даже близко не подойду». И действительно, ближе чем на десять метров он так и не подошел — упорный был такой дед, упрямый, он пальцем не шевельнул, чтобы мне помочь, хотя я, конечно, мучился невероятно. Особенно когда уже верхние венцы надо было поднимать, тащить, цепляя веревкой, топором аккуратно подработать, выложить венец, на каждом бревне поставить номер, а когда полностью закончил, все надо рассыпать, потом заново собирать, уже подкладывая высушенный мох. А весь этот мох нужно было еще проштыковать как следует. Ну, в общем, все лето я трудился, только-только на приемные экзамены хватило времени приехать оттуда в Свердловск. В конце дед мне сказал серьезно, что экзамен я выдержал и теперь вполне могу поступать на строительный факультет.

Хоть и не готовился я специально, из-за того, что эту самую баньку строил, поступил сравнительно легко — две четверки, остальные пятерки. Началась студенческая жизнь: бурная, интересная. С первого курса окунулся в общественную работу. По линии спортивной — председатель спортивного бюро, на мне — организация всех спортивных мероприятий. Волейболом тогда уже занимался на достаточно высоком уровне, стал членом сборной города по волейболу, а через год участвовал в составе сборной Свердловска в играх высшей лиги, где играло 12 лучших команд страны. Все пять лет, пока я был в институте, играл, тренировался, ездил по стране, нагрузки были огромные... Занимали, правда, мы 6—7-е места, чемпионами не стали, но все воспринимали нас серьезно.

Волейбол оставил, действительно, в моей жизни большой след, поскольку я не только играл, но потом и тренировал четыре команды: вторую сборную Уральского политехнического института, женщин, мужчин — в общем у меня уходило на волейбол ежедневно часов по шесть, и учиться (а поблажек мне никто не делал) приходилось только поздно вечером или ночами, уже тогда я приучил себя мало спать, и до сих пор я как-то к этому режиму привык и сплю по 3,5—4 часа...

До поступления в институт — страны я не видел, моря тоже и вообще нигде не был. Поэтому в летние каникулы решил совершить путешествие по стране. Не имея ни копейки денег, минимум одежды, только спортивные брюки, спортивные тапочки, рубашку и соломенную шляпу,— вот в таком экзотическом виде я покинул Свердловск. Еще, правда, у меня был из искусственной кожи чемоданчик — маленький, буквально сантиметров двадцать на тридцать. Выпускались такие. Там лежала еще одна рубашка, ну, и если что-нибудь удавалось из продуктов где-то заработать,— я туда же складывал. Поездка эта, конечно, была совершенно необычной. Со мной сначала поехал однокурсник, но через сутки он уже понял, что ему наше путешествие не осилить, и вернулся обратно. А я поехал дальше.

В основном на крыше вагона, иногда в тамбуре, иногда на подножке, иногда на грузовике. Не раз, конечно, милиция снимала: спрашивают, куда едешь? Я говорю, допустим, в Симферополь, к бабушке. На какой улице проживает? Я всегда знал, что в любом городе есть улица Ленина, поэтому называл безошибочно. И отпускали меня...

А задачу я себе такую поставил: ночь еду, приезжаю в какой-то город — выбирал, естественно, города известные,— осматриваю целый день, а иногда и два. Ночую где-нибудь или в парке, или на вокзале и дальше в путь на крыше вагона. Из каждого нового города писал письмо в институт своим ребятам.

И вот такой у меня получился маршрут: Свердловск — Казань — Москва — Ленинград — снова Москва — Минск — Киев — Запорожье — Симферополь — Евпатория — Ялта — Новороссийск — Сочи — Сухуми — Батуми — Ростов-на-Дону — Волгоград — Саратов — Куйбышев — Златоуст — Челябинск — Свердловск. Этот путь я проделал за два с лишним месяца, приехал весь, конечно, оборванный, спортивные тапочки у меня были без подошв, просто для, так сказать, формы и красоты: идешь на самом деле почти босиком, а всем кажется, что в тапочках. Шляпа тоже насквозь прохудилась, ее пришлось выбросить. Спортивные штаны основательно просвечивали. Когда выезжал, были у меня еще и часы — старинные, старые, большие, подарил мне дед. Но эти часы, как и всю одежду, я проиграл в карты. Буквально в первые дни, как только выехал из дома.

Было это так. В тот момент в стране шла амнистия, заключенные возвращались на крышах вагонов и однажды они ко мне пристали, их было несколько человек, и говорят: давай играть в «буру». А я знать не знал вообще эти карты, в жизни не играл и сейчас терпеть не могу. Ну а в такой обстановке не согласиться было нельзя. Они говорят: давай играть на одежду. И очень скоро они меня раздели до трусов. Все выиграли. А в конце они говорят: «Играем на твою жизнь. Если ты сейчас проигрываешь, то мы тебя на ходу скидываем с крыши вагона — и все, и привет. Найдем такое место, чтоб ты уже основательно призем-

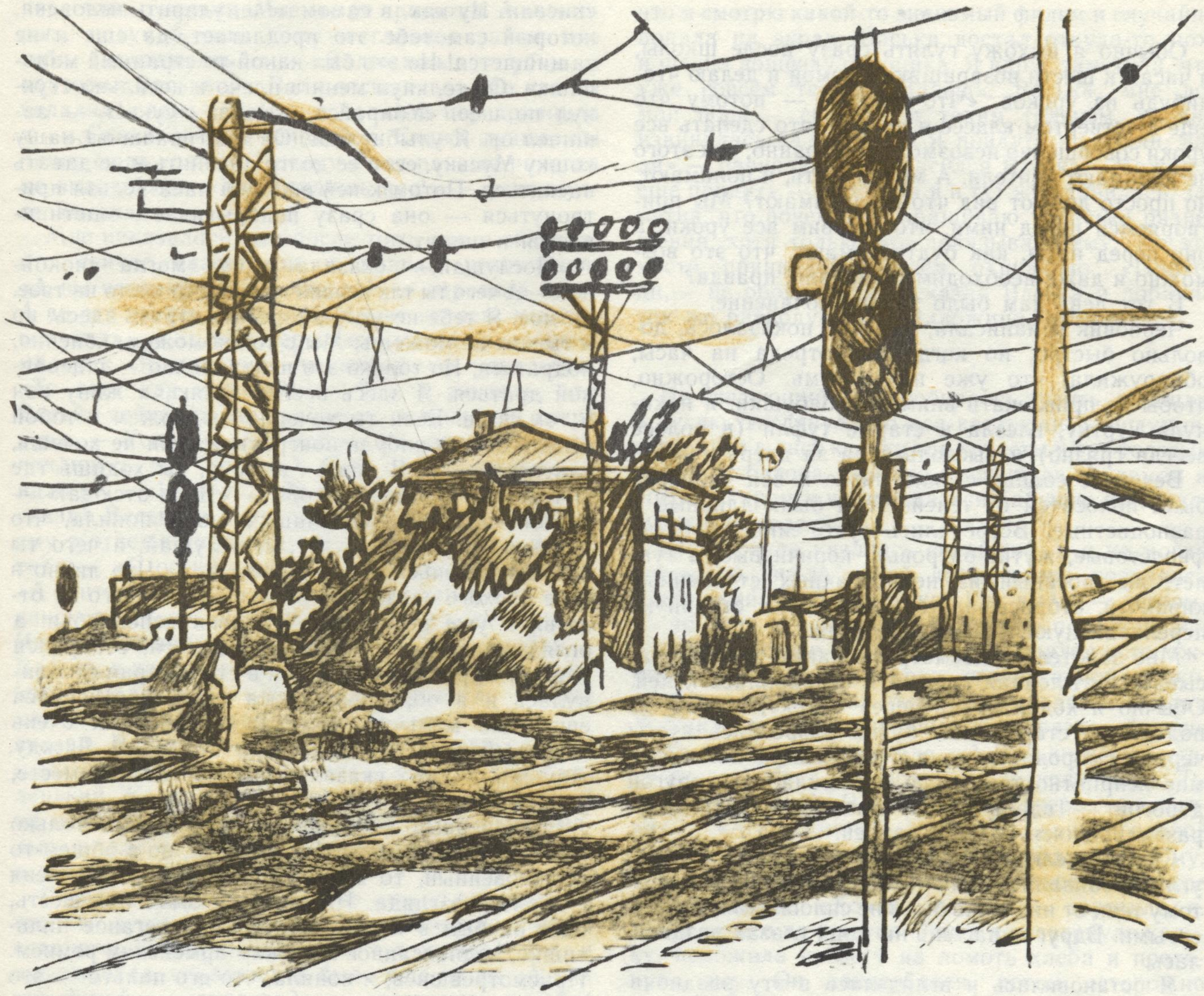
лился. А если выиграешь, мы тебе все отдаем». Что дальше произошло, сейчас мне сложно понять: или уже я стал понимать в этой «буре» кое-что, потому как опыт приобрел, постепоенно проигрывая — то шляпу, то рубашку, то тапочки, то спортивные штаны, или потому, что они вдруг пожалели меня, что-то человеческое проснулось в них,— а это были уголовники, выпущенные из колонии, в том числе и убийцы, тогда прошла большая амнистия. В Свердловской области таких колоний порядочно. В общем, я выиграл. До сих пор не могу понять, как это случилось. Все они вернули, кроме часов. После этой игры они меня больше уже не трогали, а даже зауважали. Сбегают за кипяточком — поделятся. Кое-кто даже кусок хлеба давал. Не доезжая до Москвы, они все разбежались, потому что знали: через столицу им не проехать, потом я ехал на крыше в основном один.

Помню, в Запорожье, когда уже совсем оголодал, случайно встретился с одним полковником, он и говорит: «Мне надо поступить в институт, а я ничего, ни бельмеса не понимаю в математике. Давай ты меня по математике поднатаскаешь, так, чтобы я сдал экзамены». Он прошел войну, немало привез, видимо, оттуда, потому что квартирка его была, для полковника, богато обставлена. Я поставил ему условие — работать, кроме трех-четырех часов сна, по двадцать часов. Полковник засомневался, выдержим ли? Я говорю — иначе за неделю не подготовиться для поступления. С моей стороны было одно условие — меня кормить. Причем кормить хорошо. Жена его не работала, так что она тут старалась изо всех сил. Он честно выполнил наш договор. Я впервые за все время наелся. И даже прибавил в весе. А полковник оказался человеком настойчивым, с характером, выдержал тот темп уроков, который я ему задал, а потом я узнал, что поступил он в институт, сдал по математике экзамен. А я поехал дальше.

Вот таким необычным оказалось это путешествие. Учеба в институте продолжалась своим чередом. Получал я на экзаменах в основном пятерки, хотя очень много времени отнимал волейбол, тренировки, поездки на соревнования. И никаких, как это теперь бывает, поблажек за спортивные успехи не было. Пожалуй, даже наоборот, некоторые преподаватели гоняли меня на экзаменах больше других, ревниво относясь к моим спортивным увлечениям и считая, что волейбол отвлекает меня от серьезной науки. Однажды профессор Рагицкий на экзамене по теории пластичности предложил мне ответить сразу, без подготовки. Он говорит: «Товарищ Ельцин, возьмите билет и попробуйте без подготовки, вы у нас спортсмен, чего вам готовиться?» А у всех на столах тетради, записи. Дело в том, что в теории пластичности есть некоторые формулы, которые писать надо не на одной странице, запомнить невозможно. Разрешалось пользоваться учебником и конспектами. Профессор решил поставить надо мной эксперимент. Долго мы с ним сражались. Но поставил он все-таки четверку, жалко. Хотя относился он ко мне хорошо. Я ему однажды задачку решил, очень трудную, которую у него среди студентов лет десять до меня никто осилить не мог. Поэтому он воспылал ко мне такой любовью. Профессор был человеком необычайно интересным, умным, талантливым, мы относились к нему с огромным уважением. И тем не менее вот так я получил эту злосчастную четверку.

Однажды мой любимый волейбол чуть не свел меня в могилу. В какой-то момент, тренируясь по шесть-восемь часов и занимаясь предметами по ночам, хотелось в зачетке иметь только оценки «отлично», видимо, я перенапрягся. А тут, как назло, заболел ангиной, температура сорок, а я все равно пошел на тренировку, ну и сердце не выдержало. Пульс 150, слабость, меня отвезли в больницу. Сказали лежать и лежать, тогда есть шанс, что месяца через четыре, минимум, сердце восстановится, а иначе — порок сердца. Из больницы я сбежал уже через несколько дней, ребята организовали мне из простыней что-то типа каната, и я с верхнего этажа спустился и уехал в Березники, к родителям. И там начал потихоньку восстанавливаться, хотя чуть встанешь — мотает из стороны в сторону, стоишь, а сердце выскакивает. Очень скоро я все-таки стал добираться до спортивного зала, на несколько минут выходил на площадку, пару раз мяч возьмешь и все, валишься. Меня ребята оттащат к скамейке, и я лежу. Это была тупиковая ситуация, думал, не вырвусь уже, так сердце и останется больным и спорта мне больше не видать. Но все равно стремился только в бой и только вперед. Сначала на площадку на одну минуту выходил, потом на две, на пять, и через месяц мог проводить всю игру. Когда вернулся в Свердловск, пришел к врачу, она говорит: ну вот, хоть вы и сбежали, но чувствуется, что вы все время лежали, не вставая, сердце у вас сейчас в полном порядке. Надо честно признаться, риск, конечно, был колоссальный, потому что мог сердце погубить навсегда. Но я считал, что надо его не жалеть, а напротив, нагружать как следует и клин клином вышибать.

Диплом пришлось вместо пяти месяцев писать всего один: был все время в разъездах, шло первенство страны, самый его разгар, команда переезжала из города в город. Когда вернулся в Свердловск, остался месяц до защиты. Тема дипломной работы «Телевизионная башня». Тогда их почти не было, поэтому до всего нужно доходить самому. До сих пор не представляю, как мне это удалось. Столько умственных, физических сил я потратил, это было невероятно. Причем тут и особо помочь-то никто не может, тема новая, никому неизвестная — чертишь сам, расчеты делаешь сам, все от начала и до конца — сам. И все-таки сдал диплом, защитился на «отлично».



Полоса отчуждения

Е. МУРАШОВА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Ю. Шабанова

Когда папа с мамой развелись, мы разменяли нашу двухкомнатную квартиру на Лиговском проспекте. При размене нам с мамой досталась однокомнатная квартира в Купчино, а папе — комната в большой коммуналке на улице Чайковского. Это было справедливо, потому что, во-первых, нас с мамой двое, а во-вторых, у Зинаиды Георгиевны, новой папиной жены, тоже есть хорошая комната. Когда папа с Зинаидой Георгиевной съедутся, они получат вполне приличную квартиру.

А мы съехались с бабушкой, маминой мамой.

Наша новая квартира недалеко от прежней, рядом с Московским вокзалом. Это хорошо, потому что маме недалеко ездить на работу. Да и бабушка, хотя она уже давно на пенсии, иногда устраивается на работу в детскую поликлинику, которая теперь от нас наискосок через квартал. Даже дорогу переходить не надо.

Плохо, что после всех обменов мне пришлось пойти в новую школу.

В общем-то в этой новой школе у меня все получилось неплохо. И с девчонками мирные отношения, и с учителями. Во втором полугодии меня даже выбрали в совет отряда, культмассовым сектором.

Окна нашей новой квартиры выходят на Московский вокзал. То есть не на сам вокзал, вокзала из окна не видно и поездов тоже.

То, куда выходят наши окна, мама называет «полосой отчуждения». Если смотреть сверху, из окна, то она кажется пестрым лоскутным ковриком, составленным из низких разноцветных крыш. А если спуститься вниз и войти в нее, то она похожа на джунгли и на другую планету одновременно.

* * *

Обычно я выхожу гулять сразу после школы, а часам к шести возвращаюсь домой и делаю что-нибудь из уроков. «Что-нибудь» — потому что еще в четвертом классе я поняла, что сделать все уроки совершенно невозможно. Странно, как этого не понимают учителя. А может быть, и понимают, но просто делают вид что не понимают? Мы притворяемся перед ними, что готовим все уроки, а они перед нами, как будто думают, что это возможно и даже необходимо. Забавно, правда?

В тот день нам было задано сочинение.

Черновик я написала, как мне показалось, довольно быстро, но когда посмотрела на часы, обнаружила, что уже почти семь. Осторожно, чтобы не привлекать внимания бабушки, я накинула куртку, влезла в старые туфли (в полосе всегда грязно) и выскользнула за дверь.

Вечернее солнце стояло низко и вся «полоса» была полосатой от теней. Тени были длинные и разноцветные. Встречались густо-синие, черные, фиолетовые, жутко-багровые, коричневые, а туалет, выстроенный из непрозрачных стеклянных кирпичей, отбрасывал тень совсем уж странную, переливающуюся всеми красками.

Мне захотелось посмотреть, какую тень отбрасывает бутылочная гора, и я отправилась к ней. Обычно я ходила туда через «парк», в котором под тенью старых лип буйно разрослись кусты черной смородины, но в сумерках он показался мне неприятно темным, и я решила идти другой дорогой — вдоль путей, мимо длинных, полуразвалившихся складов-сараев.

Сквозь щели в стенах сараев, наискосок через углы пробивались лучи заходящего солнца, и поэтому тени от них тоже были не сплошными, а полосатыми. Вдруг одна тень на моих глазах раздвоилась.

Я остановилась и вгляделась в эту раздвоившуюся тень. Одна тень была настоящая, а другая оказалась мальчишкой, худым и черным. Он смотрел на меня черными глазами, и карманы его грязной куртки оттопыривались. Наверное, он прятал там кулаки. По виду мальчишка был мой ровесник, и ростом приблизительно с меня, только очень худой и щуплый. Вообще-то мне трудно знакомиться с незнакомыми людьми, но тут мы стояли напротив, разглядывали друг друга и не заговорить было бы прямо неудобно. Когда я об этом подумала, то совсем уж было собралась заговорить, но мальчишка опередил меня. «Ты чего здесь делаешь? Вали отсюда!» — хриплым, каким-то непохожим на него голосом сказал он. «Чего это я буду валить?» — удивилась я. «Вали, я сказал! — прямо-таки завизжал мальчишка. — А то сейчас как врежу, жива не будешь!» И он вытащил из карманов сжатые коричневые кулаки. Я не испугалась, хотя и знала уже, что любой мальчишка такого роста сильнее меня. Но этот был такой тощий и узкий, что я, наверное, справилась бы с ним, если бы дело дошло до драки.

«Что ж — врежь! Авось полегчает», — сказала я и посмотрела ему прямо в глаза. Это был верный прием. Все мальчишки в старой школе от него скисали. Ну как, в самом деле, ударить человека, который сам тебе это предлагает, да еще и не защищается! Но это был какой-то странный мальчишка. Он толкнул меня в плечо и несильно стукнул по шее. «Убирайся отсюда, с-сука!» — зашипел он. Я улыбнулась. Он был похож на нашу кошку Муську, если ее долго дразнить и не давать вцепиться. Потом к ней еще два часа нельзя притронуться — она сразу подпрыгивает, ощетинивается и шипит.

«Послушай,— сказала я как могла спокойнее.— А чего ты так нервничаешь? Это место ни твое, ни мое. Я тебе не могу запретить играть здесь, но и ты мне не можешь. Мы с тобой можем, конечно, подраться. Но только это непорядочно — с девочкой драться. Я здесь всегда гуляю, а живу вон в том доме. Если ты хочешь, мы можем с тобой вместе во что-нибудь поиграть, а если не хочешь, так и не надо. Я хожу где хочу, ты ходишь где хочешь — чего делить-то?» — «Вали отсюда!» — упрямо повторил мальчишка, но я поняла, что драться он уже не будет. «Послушай, а чего ты на меня злишься? — спросила я. — Что лично я тебе плохого сделала?» Мальчишка ничего не ответил и уже не смотрел на меня исподлобья, а оглядывался по сторонам,— кажется, собирался удрать. Вдруг одна из досок в стене сарая отодвинулась и в образовавшуюся щель протиснулся еще один мальчик, помладше первого и очень странный. «Васька, ты скоро придешь? Я жду, жду...» — тихо сказал он и застыл на месте, увидев меня.

Если первый мальчишка, Васька, был только немного слишком худой и грязный, но в общем-то обыкновенный, то второй мальчик поразил меня с первого взгляда. На вид ему было лет шесть, одет он был в какое-то странное стеганое пальтишко, подпоясанное широким армейским ремнем. Присмотревшись, я поняла, что его пальто — это просто ушитый ватник с обрезанными рукавами. У мальчика была огромная голова, широкий, словно сплюснутый сверху, нос и огромная копна черных, жестких даже на вид волос, торчавших в разные стороны.

Васька, увидев мальчика, вздрогнул, внимательно и как-то по-настоящему угрожающе посмотрел на меня и сказал: «Я те столько раз говорил, отродье проклятое, не вылазь! Вечно беду наведешь. Чтоб ты сдох, неслух проклятый!» Слова были злые, но голос не злой, а какой-то безнадежно усталый. Мне вдруг почему-то сделалось жаль Ваську. И маленького мальчика тоже. Я присела на корточки и, как трусливого щенка, поманила его пальцем: «Иди сюда, чего ты меня испугался, я тебе ничего плохого не сделаю. Иди, поиграем». Мальчик склонил набок растрепанную голову и неуверенно шагнул вперед. «Назад, стервец! — заорал Васька. — А ты... ты! Я повторять не буду!» — «Не ори! — строго сказала я, стараясь говорить таким голосом, каким бабушка успокаивает самых капризных своих пациентов. — Объясни по-человечески, чем я тебе мешаю. Чего ты боишься?» — «Заложишь кому... убью... стерва!» — резко выдыхая каждое слово, сказал Васька. «Во-первых,

перестань ругаться. Мне это не нравится. А во-вторых, подумай сам: кому и главное зачем мне тебя закладывать...» —«Заложишь — убью,— повторил Васька. — Вали отсюда» — «Да что ты заладил: вали, вали! — с досадой передразнила я. — Свалю сейчас, успокойся. Скажи лучше: вы давно сюда ходите? Почему я вас раньше никогда не видела?» — «Ха! Увидишь нас!» — усмехнулся Васька.

Мне показалось, что после того, как я сказала, что сейчас свалю, он и правда успокоился. «А вы чего, прячетесь что ли? — спросила я. — А во что вы играете?» — «Мы не играем, мы живем тут», — вдруг серьезно сказал маленький мальчик. Я клацнула челюстью от удивления. «То есть как живете?! — Тут я увидела, что Васька сейчас снова завизжит, и вскинула вверх руку. — Успокойся! Я никому не скажу. Хочешь, поклянусь чем хочешь? Мне от вас ничего не надо!» — «Нам от тебя тоже. Вали отсюда»,— сказал Васька и вдруг улыбнулся. Я улыбнулась ему в ответ и спросила: «А давно вы тут... живете?» — «С осени еще»,— гордо ответил Васька. «А едите чего?» — «Ха! — Васька глянул на меня снисходительно, как на маленького ребенка.— Чтоб на вокзале да не прокормиться!» — «Ты — Васька, а как его зовут?» — Я кивнула на маленького мальчика. «Жекой»,— ответил Васька. «А меня — Ольга».— «Ну и черт с тобой», — сказал Васька. «Вали отсюда?» — спросила я и засмеялась. Васька засмеялся тоже, и даже маленький Жека, до сих пор испуганно глядевший на меня, робко улыбнулся. Зубы у него были гнилые и как-то странно неровные, наклоненные в разные стороны.

Я подумала, что теперь мне можно спрашивать все что угодно, кроме одного, возможно самого главного: зачем, почему они тут живут? Это, я чувствовала, спрашивать было еще рано. «А как же зимой — холодно?» — спросила я. «Ха! Костры жгли, в самые холода под котельной жили — ничего». Я старалась задавать самые нейтральные вопросы. Мысли скакали, как сумасшедшие. Я еле успевала ловить их на кончике языка и бегло осматривать: не обидится ли Васька? Ваське, я видела, нравится мое удивление. Он отвечал все более охотно, хотя и по-прежнему коротко. «А сколько лет Жеке»? — «Семь, восьмой». — «На вид меньше... Погоди...— Я вдруг поразилась внезапно пришедшей мне в голову мысли: — А как же вы в школу ходите?» — «А мы и вовсе не ходим»,— усмехнулся Васька. «То есть как?!» — «А запросто!» — Васька явно наслаждался произведенным впечатлением. У меня в голове все совсем перемешалось. «Что, крыша поехала? — сочувственно спросил Васька.— Я ж тебе говорил: вали отсюда, не суйся...».— «Подожди, Васька,— попросила я.— Дай сосредоточиться». — «Средоточься на здоровье, кто б тебе мешал,— разрешил Васька.— А я пока костерок справлю, чаек вскипятить. А то скоро совсем стемнеет, растопку не отыскать будет».— «Вась, а поесть будет чего?» — спросил Жека. «На, пожуй пока»,— Васька вынул из кармана горбушку и протянул мальчику. Мне казалось, что я смотрю какой-то знакомый фильм и случайно попала на экран. Васька достал откуда-то нож и щепил дощечку от ящика. Я вдруг заметила, что уже совсем темно. «Знаешь, Васька, мне домой пора,— сказала я таким голосом, словно извинялась за что-то.— Я пойду?» — «Вали, вали»,— равнодушно согласился Васька. «Можно я еще приду?» — спросила я и тут же удивилась, заметив, что почему-то спрашиваю у Васьки разрешения, хотя только что доказывала ему, что это место принадлежит всем одинаково. «Приходи,— не оборачиваясь сказал Васька и добавил так же равнодушно:— Заложишь, убью».

* * *

На следующий день, собираясь гулять, я зашла в кухню, заглянула во все кастрюли и, подумав, завернула в лист кальки три котлеты и три толстых ломтя от батона. Все это я засунула в карман и боком, стараясь не попадаться бабушке на глаза, вышла из квартиры.

Стена сарая казалась сплошной, и я не могла вспомнить, из-за какой доски вчера появлялся Жека. «Эй, Васька! Жека! Где вы?» — негромко позвала я и постучала кулаком по шершавой и влажной стене. За стеной послышался осторожный шорох, потом скрип отодвигаемой доски, и справа от меня из стены высунулась лохматая Жекина голова, казавшаяся гораздо больше щели, в которую пролезла. «А Васьки нет»,— тихо сказал Жека. «Я подожду. Выходи сюда. Ты меня помнишь? Я — Ольга, вчера приходила».— «Ага. Помню!» — Жека кивнул головой и вылез весь, целиком. Я еще раз поразилась тому, какая огромная у него голова и какое маленькое все остальное. «Хочешь есть?» — спросила я. Жека ничего не ответил. Тогда я развернула кальку, положила котлету на ломоть хлеба и протянула ему. Он поколебался, потом осторожно взял бутерброд и еще некоторое время рассматривал его со всех сторон. Наконец решился и, широко распахнув рот, откусил сразу половину. Вторую половину ему доесть не пришлось, потому что непонятно откуда возникший Васька резко и молча ударил его по руке, так, что котлета полетела в одну сторону, а хлеб — в другую. «Говорил тебе, отродье проклятое! Убью, если будешь подачки брать! — зашипел Васька. Жека присел и быстро дожевывал попавшую в рот половину бутерброда.— А тебе чего здесь надо? Чего ты к нам привязалась?! Убирайся отсюда! Пока жива, слышишь?!» — «Успокойся,— тихо и ровно сказала я.— Я вовсе не хотела обидеть ни тебя, ни Жеку. И никакая это не подачка. Вот, видишь,— я развернула кальку,— я взяла каждому по бутерброду. Себе, тебе и Жеке. Я и раньше брала еду, когда шла гулять. Сейчас я шла к вам. И было бы странно, если бы я взяла бутерброд только для себя... Тебе теперь достанется только половинка бутерброда, потому что если ты псих, то никто в этом не виноват и Жека тоже... На, маленький, возьми»,— я разломила второй бутерброд пополам и половину протянула Жеке. Рука у меня чуть-чуть дрожала, и вообще я чувствовала себя так, как, наверное, чувствует себя

дрессировщик, когда входит в клетку со львами. Жека испуганно глянул на Ваську. Я сделала вид, что вовсе не гляжу на него, но все-таки краем глаза замечала, что он делает. Закричит или не закричит? «Нужны мне твои бутерброды...»— пробурчал Васька и сел на перевернутый ящик.

Я облегченно вздохнула. Жека осторожно протянул руку и, не спуская глаз с Васьки, принялся жевать бутерброд. Дожевав, он оглянулся по сторонам и, найдя взглядом недоеденную котлету, сказал: «Вась! Чего ей пропадать? Давай Тарасу отдадим, а?» — «А где он, Тарас твой?» — проворчал Васька. «Тут где-то. Я его чую,— уверенно сказал Жека и позвал, зачем-то хлопая при этом в ладоши: — Та-рас! Та-рас!» — «Ага! Пришел!» — сказал Васька и поднял с земли злополучную котлету.

Я взглянула на то место, которое еще за секунду до этого было пустым, и вздрогнула — опустив морду к земле, там стояла огромная всклокоченная дворняга. В ее густой коричневой шерсти застряло множество репьев, а белые подпалины казались серыми от грязи. С огромных клыков и багрового языка капала слюна. На нас дворняга, казалось, не обращала никакого внимания. Жека взял у Васьки котлету и бесстрашно направился к собаке. «Вась! — вскрикнула я.— А она его не...» — «Заткнись!» — резко оборвал меня Васька. Жека подошел к дворняге вплотную, выдернул из ее шерсти пару репьев и буквально вложил котлету ей в пасть. Пасть клацнула, и по горлу пса прокатился почти незаметный комок. «Тарас хороший!» — серьезно сказал Жека. Так и не глянув в нашу сторону, не вильнув хвостом, пес отвернулся и неторопливо потрусил прочь. «Серьезный!» — с уважением сказал Васька, глядя ему вслед. «Что это за чудовище?» — спросила я. «Тарас — здешний пес. Их здесь много. Он — вожак,— объяснил Васька.— Кормятся при вокзале. Наши, можно сказать, конкуренты».— «А почему — Тарас?»— «Это его Жека так назвал. Он челюстями так щелкает. Зевает, что ли. Сначала так длинно — Та-а... а потом захлопывает — Рац! Вместе получается — Та-рас». — «Похоже,— согласилась я.— Молодец Жека. Хочешь котлету, Васька?» — «Сама жри,— отрезал Васька и, отвернувшись, приказал Жеке: — Тащи растопку. И котелок прихвати». Жека скрылся в щели. Я стояла и не знала, что мне теперь делать. Обидеться и уйти? Остаться? Сделать вид, что ничего не произошло? «А то подожди до чая,— не глядя на меня, сказал Васька.— Чего всухомятку трескать? С пойлом лучше идет... И не стой как столб. Притащи лучше вон тот ящик...»

* * *

Через несколько дней Васька и Жека уже немного привыкли ко мне. Я приходила каждый вечер и всегда заставала только одного Жеку. Васька появлялся позже и всегда приносил какую-нибудь еду. Куда он ходил, что делал и где брал еду, я не знала. Спрашивать об этом было совершенно бесполезно. На все мои вопросы у Васьки был один-единственный ответ: «Не лезь не в свое дело!» Жеке он, по-видимому, тоже запретил разговаривать со мной на все подобные темы. Может быть, даже припугнул его. Потому что, если я задавала Жеке какой-нибудь «запрещенный» вопрос, он быстро прижимал палец к губам и испуганно оглядывался по сторонам.

Но в целом Васька стал относиться ко мне гораздо спокойнее, кричал редко и уже без всяких истерик ел то, что я приносила из дома. Но при этом тщательно следил за тем, чтобы и я съела что-нибудь из принесенного им. Когда однажды я попробовала отказаться, Васька побагровел, закашлялся, вскочил, опрокинув ящик, на котором сидел, и заорал: «Брезгуешь нашим, да?! Ну так и вали, вали отсюда, вали к своим, чистым!!!» Я съела злополучный кусок и насилу успокоила Ваську. Вообще, только познакомившись с Васькой, я поняла, что это значит, когда говорят: «Живу, как на вулкане». Васька и был вулкан, каждую минуту готовый извергнуться. А Жека, наоборот, был тихий. Даже какой-то слишком тихий. Никогда не баловался, не шалил, не капризничал. Васька, когда злился, обзывал его дебилом, сучьим выродком и еврейским отродьем, но Жека, кажется, на него совсем не обижался. И я это понимала, потому что на самом деле Васька очень здорово о Жеке заботился и даже, наверное, как-то по-своему любил его. И еще я заметила, что каждый вечер Васька дает Жеке какое-то лекарство. Две таких желтеньких таблеточки из коричневой бутылочки. Когда я спросила, зачем это, то в ответ, конечно, услышала обычное: «Не лезь!» Даже название лекарства Васька не дал посмотреть. И я все никак не могла понять — что же их связывает?

* * *

Однажды вечером, застав, как всегда, одного Жеку, я сунула ему конфету и решила попробовать выследить Ваську. Если не что делает, то хотя бы откуда приходит. Я обошла сараи, прачечную, заглянула на склады под номерами 2, 3 и 4, которые охраняли вечно пьяный сторож дядя Петя и огромная добродушная овчарка по кличке Пирамида. Васьки нигде не было. Тогда я отправилась на вокзал.

На вокзале все было как всегда, то есть сразу возникало такое ощущение, что все люди, сколько их ни есть в городе, очень торопятся куда-то уехать. Я обошла все буфеты, потому что там можно было достать еду, но Васьки ни у одного из них не заметила. Я уже решила выйти на задний двор и идти назад, когда в зал ожидания вдруг влетел Васька с каким-то свертком. «Васька!» — радостно крикнула я и замахала рукой, чтобы он меня заметил. Он подскочил ко мне, глянул бешеными глазами, сунул мне в руки сверток, шепнул: «Выбрось куда! Скорее!» — и побежал ко второму выходу. Я еще не успела ничего сообразить, когда в зал ожидания вкатилась какая-то очень толстая тетка, а за ней вошел милиционер. «Вон-вон — туда он побежал! Я видела!» — верещала тетка и пыталась схватить милиционера за руку. Тот уворачивался, но все

ускорял шаги и, наконец, почти побежал. Я отвернула край бумажки у свертка, увидела жареную курицу и все поняла. «Не беспокойтесь, гражданка,— сказал милиционер тетке.— Никуда он не денется». Тетка, влажная и распаренная, как после бани, прокатилась мимо меня. Я шагнула вперед. «Товарищ милиционер! — громко сказала я.— Вот она, курица. Это я ее украла». Все люди, сидящие на скамейках, уставились на меня. Те, которые сидели подальше, встали, чтобы лучше видеть. Тетка очень удивилась. Она переводила взгляд с меня на курицу, с курицы на меня, потом достала из-за пазухи огромный клетчатый платок, вытерла им вспотевший лоб и сказала: «Моя курица!» — «Возьмите, пожалуйста!» — вежливо сказала я, но тетка спрятала руки за спину. «Постойте! — тут удивился милиционер.— Но вы же говорили: мальчик! Худой, черный! А это же — девочка! Светленькая».— «Да, мальчик,— повторила тетка.— А это девочка... Но курица моя! Она же сама сказала...» — «Кто, курица?» — усмехнулся милиционер. «Да девчонка же! — Тетка жутко покраснела. Мне показалось, что она сейчас взорвется.— Вы что, мне не верите?! Вы думаете, мне за курицу обидно?! Да плевала я на курицу! — в подтверждение своих слов она плюнула на пол.— Мне за вообще обидно. Какие-то тут цыгане будут людей обворовывать. А милиция тогда на что? На что, я вас спрашиваю, милиция?!» — С последним вопросом она обратилась уже ко всем окружающим. «Разберемся! — строго сказал милиционер.— Пройдемте!» — «Куда это я пойду? — снова возмутилась тетка.— У меня поезд через полчаса. Сами и разбирайтесь. Вам за это как-никак деньги платят». — «Ладно,— вздохнул милиционер и взял меня за локоть.— Пойдем. Курицу забираем как вещественное

доказательство».— «Да чтоб она провалилась, курица эта!» — с сердцем сказала тетка и снова полезла за платком.

Большая и холодная комната вокзальной милиции была выкрашена в грязно-зеленый цвет. По стенам стояли две длинные и широкие скамьи, а у окна два стола. Один поменьше, другой побольше. За большим столом сидел другой милиционер, постарше того, который меня привел. Когда мы пришли, он почему-то держал в руках два апельсина. Третий апельсин лежал перед ним на столе. Увидев нас, он быстро отодвинул апельсины и придвинул к себе большую голубую тетрадь.

Милиционер, который привел меня, положил курицу на маленький столик и молча указал на меня пальцем. «Что там?» — старший кивнул на сверток. «Курица»,— ответил младший. «Та-ак, поня-атно»,— протянул старший и надолго замолчал. Чтобы не бояться, я думала о том, как они сейчас будут меня спрашивать, и что я буду отвечать. И еще о том, как мне их называть. «Дяденька милиционер» — явно не подходит. Они же меня на воровстве поймали. Может быть, как в кино — «гражданин начальник»? Тоже что-то не то. Если бы я была мальчишкой, то по их нашивкам сумела бы определить их звания. И это было бы хорошо, потому что милиционеры любят, когда их называют по званию (например: «Товарищ майор!») и при этом добавляют одну ступеньку. Про это мне рассказывал Сережка Панкратов из старого двора. И я ему верю, потому что он стоит на учете в детской комнате милиции и однажды на спор угнал асфальтовый каток.

Нельзя сказать, что мне было не страшно. Наоборот, очень даже страшно. Но это был другой страх. Не такой, какой бывает, когда разобьешь стекло или в школе чего-нибудь натворишь и ждешь, что за это будет. Тут было по-другому. Не знаю почему. Может быть, потому, что я все-таки не крала эту курицу и на всякий случай знала, что я не виновата и украл ее Васька. Но это вряд ли, потому что милиционер видел курицу у меня и не видел никакого Васьки. А про себя я очень хорошо знала, что никаких «крайних случаев» быть не может, и если даже меня сейчас разрежут на куски, я все равно Ваську не выдам. Так что по всему получалось, что именно я эту самую курицу и украла. И бояться должна была как самый настоящий вор. Но я боялась не так. Получается, что если человек прав, то он все равно боится меньше, даже если никто, кроме него, об этой его правоте не знает и никогда не узнает. Когда я дошла до этой интересной мысли, старший милиционер наконец заговорил.

«Зачем же ты эту курицу стащила?» — спросил он усталым и совсем незлым голосом. «Есть хотела», — нагло соврала я. «Но ведь ты знаешь, что воровать плохо. Вот, предположим, приходишь ты в магазин...» — «Из магазина нельзя,— уверенно сказала я.— А у таких толстых теток можно». Мне хотелось, чтобы старший милиционер поскорее разозлился. А то, когда человек добрый и к тебе по-доброму относится, ему врать ужасно противно. А ведь правду сказать я все равно никак не могла... Но разозлился не старший, а младший милиционер. «Да чего с ней разговаривать, Петр Алексеевич! — воскликнул он.— Выясняем личность, сообщаем в школу, вызываем родителей. И все дела. А то возимся с ними, возимся, а они вон с каких лет — вон какие наглые!» — «Подожди, Алеша, не горячись,— попросил старший милиционер.— Я на вокзале не первый год и вижу — что-то тут нечисто. Такие девочки куриц не воруют...» Я мотнула головой, выражая свой протест, а младший милиционер задумался и сказал смущенно: «Вообще-то да, Петр Алексеевич. Дело в том, что тетка... ну, гражданка, у которой курица, сперва мне говорила, что ее, курицу то есть, мальчик украл. Худой и черный...» — «А ты этого мальчика видел?» — «В том-то и дело, что нет. Мы только вошли в зал, и тут эта,— Алеша указал на меня пальцем,— прямо навстречу. Вот, говорит, ваша курица. Я ее украла». — «Так и сказала?» — Старший милиционер взглянул на меня с интересом. «Да, прямо так и сказала»,— подтвердил Алеша. «Стра-анно»,— протянул старший милиционер, а Алеша сел к столу, подтянул к себе тетрадь и строго взглянул на меня: «Фамилия? Имя? Отчество? Год рождения?» Я отвечала честно, потому что здесь врать было бессмысленно. Все равно узнают. Потом Алеша звонил куда-то по телефону и просил проверить, действительно ли я проживаю по тому адресу, который назвала. Петр Алексеевич все это время молчал и рассматривал меня. Не так чтобы прямо, но заметно было, что рассматривает. Сначала я думала о том, что интересного он во мне нашел, а потом решила, что это у всех милиционеров привычка такая.

Когда Алеша закончил, Петр Алексеевич повернулся прямо ко мне и сказал: «Ну а теперь расскажи честно, откуда к тебе попала эта курица? Я знаю, что ты ее не крала. Скажи, кто и зачем тебе ее передал? Обещаю тебе, что этому мальчику ничего не будет. Подумай о том, что он-то действительно украл ее оттого, что был голоден... Подумай о том, что это не дело, чтобы кто-то у нас, тем более дети, был голодным. Расскажи все, и мы постараемся все наладить».— «Я ее украла»,— упрямо повторила я. Мне очень хотелось рассказать все Петру Алексеевичу, но без согласия Васьки я не могла этого сделать. А вдруг он и правда сумел бы все уладить? Хотя что улаживать-то? Ведь я сама толком ничего не знаю... «Да какие они голодные, Петр Алексеевич! — с досадой сказал Алеша.— Так, пакостники мелкие, шпана!» — «Есть и шпана,— согласился Петр Алексеевич.— А есть и другие. Тот, у кого в подружках эта девочка, скорее всего из последних». — «Какие другие-то?» — «Дети из развалившихся семей, побегушники из детдомов. Они еще не шпана, но если вовремя не спохватиться, вполне могут ею стать». — «Ну, всякие алкаши там, проститутки — это я понимаю,— сказал Алеша.— Это для детишек ад сущий... А из детдомов-то чего бегут? Я понимаю — раньше, до революции, когда в приютах и били, и голод, и другое всякое... А теперь чего? Сытые, одетые, учат,

лечат, развлекают... Неужто ж бродягой лучше? Без крыши, без жратвы?» — «И из приютов, Алеша, и из наших детских домов бегут от одного и того же. И вовсе не от голода. У Макаренко в коммуне тоже не жирный кусок был. Бегут от бесчеловечности. Понимаешь? Бес-человечность! Это когда есть еда, одежда и всякое другое, но нет — человека. И не только вокруг, но и в тебе самом его никто не видит».— «Но почему?» — спросил Алеша и как-то смешно вздернул плечи к ушам. «Хотел бы я знать... — вздохнул Петр Алексеевич и обернулся ко мне: — Иди!» — «Как — иди?» — не поняла я. «Очень просто — иди домой,— повторил он, не замечая удивленного взгляда Алеши.— Курицу возьми. И подумай над моими словами... Тебе одной тут не справиться... Даже нам, взрослым... и то... В общем, если что, заходи... И еще — скажи своему другу: воровством прожить нельзя. Когда-нибудь обязательно попадешься...» — «Хорошо, спасибо, я передам»,— вежливо сказала я и тут же поняла, что выдала себя. Но Петр Алексеевич как будто бы ничего не заметил. Он снова взял в руки два апельсина, зажал между ними третий и вдруг подбросил его в воздух, перехватил оставшиеся апельсины в одну руку, подбросил. поймал... С минуту он жонглировал апельсинами, а мы с Алешей завороженно смотрели на него. Потом сказал: «Лови!» — и по одному перебросил апельсины мне. Алеша молча протянул сверток с курицей. Я зажала его под мышкой и вышла. На душе было так противно, как будто я отобрала у первоклашки деньги на завтрак или заняла в автобусе старушкино место.

Васька стоял в тени, прислонившись спиной к сараю, и курил. Заметив меня, он вздрогнул. «Успокойся, Васька, все в порядке»,— уныло сказала я, показывая курицу. «Хвост есть?» — прошипел Васька. «Какой хвост?» — не поняла я и обернулась, осмотрела сзади свои штаны. «Да не здесь хвост, дура! За тобой хвост!» — «Сам ты дурак! — разозлилась я.— Забери свою

дурацкую курицу и скажи спасибо, что милиционер добрый попался!» — «Добрых ментов не бывает,— презрительно сказал Васька.— Бывают хитрые».— «Что ж я, по-твоему, доброго от хитрого не отличу?» — «А то отличишь! — усмехнулся Васька.— Такую дуру, как ты, облапошить — раз плюнуть!» — «А чего ж он меня тогда отпустил? — не сдавалась я.— Да еще апельсинов дал?» — «Видит — дура, вот и отпустил,— совсем уж непонятно сказал Васька и потребовал: — Рассказывай!» Я рассказала. «И еще он сказал, что воровством прожить нельзя. Что обязательно попадешься. И, по-моему, он очень даже прав».— «Прав, конечно,— неожиданно согласился Васька.— Воры — дрянь! Я бы для себя сроду не стал. Для Жеки только — ему мяса надо!» — «А где ты вообще еду берешь? Воруешь?» — «Нет! — вспыхнул Васька, но, подумав, добавил: — Редко. Если уж совсем ничего не подворачивается. А так — по-разному. Когда в буфетах чего остается. Когда Жар-Птица из столовой принесет. А иногда подработать получается. Поднести чего, посторожить... Только мне редко верят — вид больно ненадежный. В прошлом вот месяце плакаты по утрам клеил. За старичка одного. И газеты. Он мне пятнадцать рублей дал. Но погнал. Потому как кто-то его начальству капнул, что он детский труд сплуатирует. Мой то есть... Бутылки иногда собираю... Но тут мне за старушками не угнаться — они шустрее... Э, да что говорить... Если б не Жека, махнул бы на Север, там документов не надо, были бы руки... А мне на тот год уже пятнадцать будет. Пристроился бы куда-нибудь. На пароход какой, может. А чего? Палубу мыть, убирать, варить чего — это я хоть сейчас сумею. Не веришь?» — «Отчего же не верить — верю! — сказала я и добавила: — Теперь ты рассказывай».— «Чего это?» — подозрительно спросил Васька. «Все! — решительно ответила я.— Кто вы такие? Откуда взялись здесь? Что раньше делали? Что дальше собираетесь делать?» — «Э, погоди, погоди! — засмеялся Васька.— Эк, как шпаришь. Сразу видно — из ментовки пришла». — «Жека — твой брат?» — «Не, мы — инкубаторские». — «Как это?» — «А вот так. Слыхала про такую штуку? Яйца там, а потом цыплята выводятся. Безо всяких там куриц.— Васька указал на сверток у меня в руках.— Вот и мы так». —«Вы — из детского дома?» — догадалась я. «Я ж говорю — из инкубатора!» — подтвердил Васька. Я обдумывала следующий вопрос, но тут из-за сарая показался Жека. Он был бледнее обычного, часто озирался и ступал как-то не совсем уверенно. «Вась,— жалобно сказал он, увидев нас.— Тебя все нет и нет. А я все жду и жду. Боюсь вот». — «Не бойсь,— усмехнулся Васька.— Все в норме. Курицу вот тебе достал. Правда, сам чуть не попался, да вот Ольга выручила, мента на себя перекинула. А ее — вишь, отпустили». — «А если б тебя поймали, Вась?» — спросил Жека и затрясся, как будто ему было холодно. Я заметила, что на виске у него бьется толстая синяя жилка. «Дак не поймали ж»,— лениво сказал Васька и, отвернувшись, зевнул. Вдруг я заметила, что Жека медленно, как-то странно запрокинув голову, валится набок. Я кинулась к нему, но Васька опередил меня. «Ноги, ноги ему держи!» — крикнул он и, наклонившись над Жекой, плотно прижал его к земле. Ничего не понимая и сама трясясь от страха, я держала дергающиеся Жекины ноги до тех пор, пока Васька не тронул меня за плечо: «Все, отпусти!»

Сколько прошло времени — минута или час — я не знала. Я тупо глядела на Ваську. «Теперь он спать будет,— устало сказал он.— Я его сейчас отнесу и к тебе выйду. Подожди. Вот спички. Разведи, если сможешь, костер. Надо будет воды согреть, помыть его». Он поднял Жеку и понес, а я все так же тупо смотрела ему вслед, потом вспомнила про костер, набрала щепок, скомкала старую газету..

Вскоре Васька вернулся, принес в котелке воды, молча приладил его над огнем и сел рядом со мной, обхватив руками тощие колени. «Что это с ним, Вась?» — тихо спросила я. «Больной он. Припадочный»,— объяснил Васька. «Таблетки те, что ты ему даешь...» — «Ну да, от этого самого». — «А что это такое?» — «Эпилепсия. Судорожная готовность». — «Откуда ты знаешь?» — «Я его к врачу водил. Изоврался весь. Папа — алкоголик. Мама — алкоголик. Я — его брат. Он мне и рецепт выписал на лекарство». — «А дальше что?» — «Дальше, он сказал, может по-разному быть. Если будут благоприятные условия, то, мол, может все и кончиться. Если лекарства давать ну и, там, чтоб не нервничал... А может и совсем с ума сойти...» — «Вась,— я заглянула Ваське в глаза, стараясь угадать, как он отреагирует на мой следующий вопрос.— А может, ему лучше бы в детдом, обратно? Может, его там лечить... и другое...» — «Нет! — твердо сказал Васька, и я увидела, что он совсем не рассердился.— Нисколько не лучше. Он там совсем рехнется. Да и не оставят его в нашем инкубаторе. Его на следующий год в другой перевели бы — для тех, которые отсталые. А он — ты видела какой. Для него такой перевод — совсем крышка. К тому же он — из отказных... И у него есть пунктик. Врач сказал — навязчивая идея. Что, мол, из этого, из нормального инкубатора мать его еще может забрать. А уж из дефективного — нипочем не заберет...» — «Вась, а что такое «отказной»?» — «Отказной — это те, от кого матери отказываются». — «А разве бывает такое?» — «Еще как бывает,— грустно сказал Васька.— Обычно в роддоме еще». — «А почему?» — «Ну, это по-разному. Кому попросту ребенок ни на фиг не нужен, кому жить с им негде. Которые боятся, что бросит их, ну тот, который отец...» — «Как же бросит, если ребенок? Наоборот...» — «Всякое бывает, и наоборот, наверное, тоже...» — «А Жека?» — «Жека? Тут не совсем чтоб обычно. Его не в роддоме мать кинула, а потом, когда ему уже года полтора было». — «Почему?» — «Кто знает? Тетка Марфа говорила, болел он, ей с им жить негде, из общаги гонят, денег не плотят. Она из деревни была, лимитчица». — «Ну и ехала бы

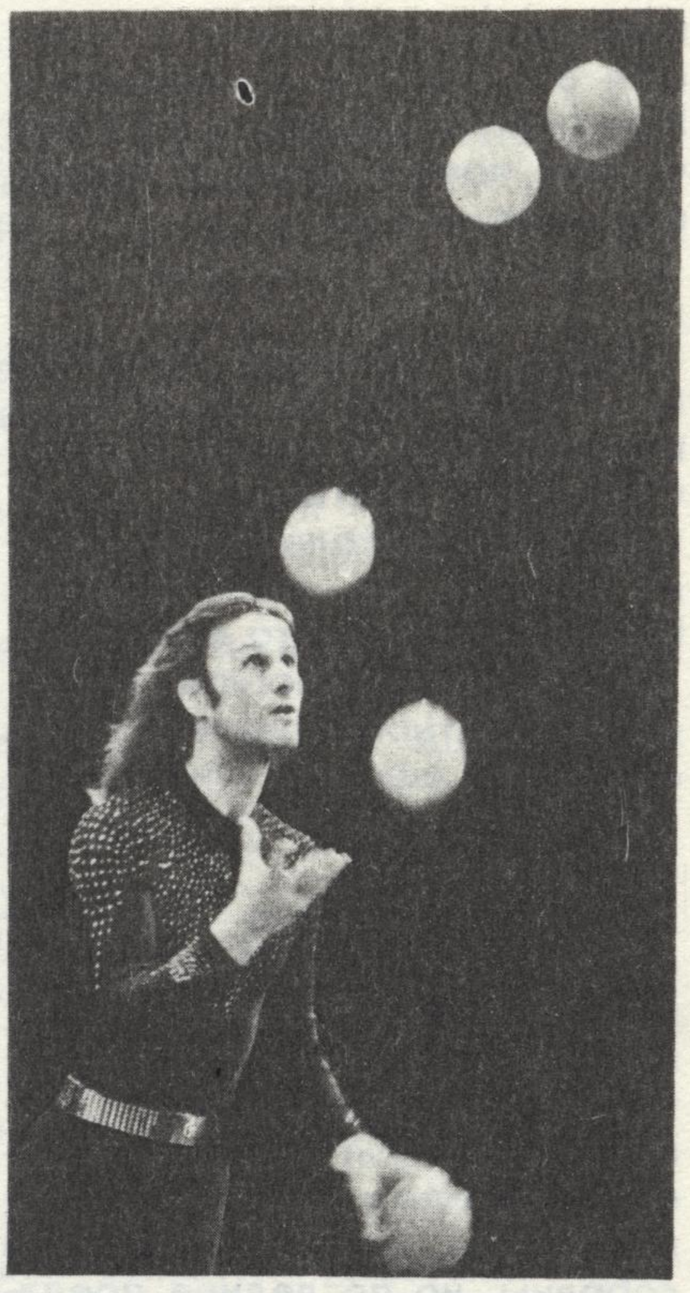
с ним обратно в свою деревню».— «Это тебе сказать легко. А и не во всякую деревню легко одной с ребенком приехать. Тетка Марфа говорила — она знает, сама деревенская. А эта, мать-то Жеки, по ее словам,— совсем девочка, лет 17 ей тогда было...» — «Ну и где ж она теперь?» — «А кто ее знает! Может, и правда — домой в деревню подалась, а может, так и мается в городе на фабрике этой...» — «А найти ее нельзя?» — «Придет время, отыщем!» — пообещал Васька. «А когда оно придет, Вася?» — «А вот Жеку подлечу, тогда... У него этот припадок за последние три месяца — первый. И то — я сам виноват, растревожил его. Здесь ему спокойно. Никто не лезет. С инкубатором — не сравнить!» — «Вась, а ты думаешь, она, мать его, возьмет Жеку обратно?» — «Здоровый будет, может, и возьмет,— задумчиво сказал Васька.— Деревенские — они сердечные. Ежели не совсем здесь искурвилась — возьмет. Ведь тащила же его до полутора-то лет... Хорошо бы ему в деревню, конечно... Там спокойней и воздух свежий... Ну, да поглядим...» — «А как ты ее найдешь, Вась?» — «Да найду как-нибудь! — отмахнулся Васька.— Через ту же тетку Марфу. Или еще как. Да и сейф с документами у нас в инкубаторе — так, видимость одна. В нем замок сто лет как сломался. Амбарный вешают. А его сбить — пустое дело...»

Я заметила, что уже совсем темно. Начал накрапывать дождь, которого я не замечала, а Васька в своей легкой курточке поднимал плечи и ежился. «Я пойду, Вась?» — «Иди, поздно уже,— согласился Васька.— Дома небось волнуются». У меня вдруг что-то запершило в горле, и я вдруг спросила, сама не знаю про что: «А ты? А вы, Васька?!» — «А чего я? — Васька пожал плечами.— Наш дом — вот. Покуда. Дальше поглядим».

Продолжение следует.

СОЛО ДЛЯ ПРИНЦА ДАТСКОГО

Американские газеты лет пятнадцать тому назад писали про жонглера Сергея Игнатова, что для него главное — карьера. А он, зная, что левая рука у человека развита хуже правой, почти год ел, писал,— все делал левой рукой. И в том же Нью-Йорке, на представлении советского цирка, президент Всемирной Ассоциации жонглеров вручил ему диплом «Лучший жонглер мира»...



По цирковым меркам, Сергей Игнатов на манеж пришел поздно. Хотя он, можно сказать, из цирковой династии. В 20-е годы его дед начинал конюхом в воронежском цирке, потом сделался помощником дрессировщика. Когда он оказывался с гастролями где-нибудь под Москвой — в Туле или Рязани,— родители возили Сережу на представления.

Иногда выдавались прекрасные вечера с чаепитием в маленькой комнатушке возле конюшни, где дед рассказывал внуку цирковые истории. И когда после восьмого класса мальчик подал документы в цирковое училище, из всех родных, пожалуй, только дед одобрил это.

Весь первый курс Сережа занимался акробатикой. Но тут начали сильно болеть ноги, и от мечты стать акробатом пришлось отказаться. «Пусть кидает»,— решили в училище и перевели его в группу жонглеров. Кто не знает — что такое учиться жонглировать в 17 лет,— пусть попробует...

— Продолжали болеть ноги, и в технике движения я был наихудшим. Поэтому первое время приходилось соревноваться с самим собой. Огромное количество часов репетиций, проведенных летом на каникулах, конечно, дали результат, но тем не менее я был совершенно сырой и даже не подавал надежд...

... Я никогда не была ранним утром в том цирке, который так любит Сергей,— в «полупроснувшемся и затихшем». Но почему-то очень хорошо представляю промерзшую подмосковную электричку, пустую платформу станции Лось и худенькую фигурку, приникшую к стеклу. Пять утра. В семь Сергей выйдет на учебный манеж репетировать. Здесь его заметит знаменитая Виолетта Кисс, работавшая вместе с братом Александром на лучших мировых аренах. «Хотите заниматься со мной? Подумайте пару дней и скажите».

Сергей согласился тут же.

Два последних года в училище были, пожалуй, самыми трудными в его жизни. Работа, работа, работа! До кровавых трещин на руках и долгожданных мозолей. Для кого-то были театры, кино, музеи. Для Сергея — только цирк:

— Жонглеру нужна выносливость — и мы репетировали по 8—9 часов ежедневно. Нужно научиться кидать большое

количество предметов — мы шли от простого к сложному. Нужна музыкальность — и мы часами ловили ритм в бросании предметов.

Когда я увидела Игнатова на манеже, первое, что пришло в голову, это — принц Гамлет. Стройный, элегантный, утонченный. Великолепная осанка и светлые до плеч волосы. Потом я узнала, что сразу после училища он выступал в черном бархатном колете и сходство было еще заметнее. Проходило время, но суть не менялась...

В финале своего 15-минутного номера Сергей кидает 11 колец и поочередно собирает их все на шею. Мало кто знает, что это мировой рекорд (лучшие жонглеры работают восемью предметами) и труднейший трюк. Почти все кольца собраны, но последнее предательски катится по манежу. И Сергей повторяет один и тот же трюк 6—7 раз, пока не получится. И никому не надоедает. В эти минуты огромный цирк замирает, как будто бы решается вечное — быть или не быть? А может, и правда, решается...

— На гастролях в Японии нас пригласили в школу знаменитого каратиста. Он показывал свое умение: крошил рукой черепицу, кирпичи и ломал деревянные будки. Затем совершал сверхъестественные прыжки, демонстрируя приемы каратэ. Мы восхищались всем этим, а он смущенно говорил: «Это еще не каратэ. Каратэ в главном. Кирпичи и доски только следствие».

Американцы из Бостонского архива истории всемирного цирка совместили, казалось бы, несовместимое. Записали на видеопленку номер Игнатова в замедленном темпе и положили на музыку «Лунной сонаты». То, что не успевал уловить глаз, донесла камера — его техника безукоризненна. Сергей тогда испытал настоящее потрясение. Такое же, наверное, как в миланском музее у слепка руки композитора

Листа, или в маленькой комнате Лувра у «Рабов» Микеланджело, или у «Мадонны с младенцем» Мурильо в Будапеште...

Он наверстывал все, упущенное за время учебы. Мелькали города. А в них театры, музеи. Лувр, Прадо, Метрополитен, Эрмитаж. Дома, в Москве,— огромная библиотека книг по искусству. Когда у него что-то не ладится в жизни, он мчится к своим книгам...

— Прочитав «Письма Ван Гога к брату Тео», я понял, как рождается настоящее искусство. Оно в тебе самом, в твоем видении мира. Самое страшное — плагиат. Нужно идти своим путем, как бы ни был он труден.

Кате Игнатовой 12 лет. Уже 12, как говорит Сергей. Всего 12, как считает сама Катя.

— Плохо, очень плохо! Не выдвигай локоть! Ниже кисть опускай! — Красные мячики, едва замелькав над Катиной головой, россыпью скачут по полу.

— Все, все потеряла, чему научилась за два месяца.— Голос Сергея становится совсем усталым.

Маленький спортивный зал, очень похожий на обычный школьный. Только этот под самой крышей цирка, к нему ведет узкая железная лестница и железная решимость работать. Слышно, как за окнами на такой верхотуре воркуют голуби.

— Катя, давай кольца! — И через минуту: — Хуже некуда! Как ты стоишь? Проверь баланс!

Из Катиных глаз вот-вот готовы брызнуть слезы. Она плотнее сжимает губы и кидает снова. Сегодня это уже вторая репетиция. Больше часа, с двухминутным перерывом — кольца, мячики, снова кольца, акробатика на трапеции и упражнения с мячом.

И наконец:

— Так, уже лучше... Отлично! Молодец!

Цену этой похвалы лучше всех знают, пожалуй, два человека — отец и дочь.

— Цирковые представления начинаются в семь вечера. Минут за сорок до выхода начинаю жонглировать. Просыпается внимание. Теперь дело за психологическим настроем...

И вот — только освещенный круг арены и музыка Шопена, заполняющая все пространство зрительного зала. И сейчас не время думать о том, от чего ты в жизни отказался и что приобрел взамен. И признание того, что ты лучший в мире, тебе не поможет, разве только придаст уверенности...

Н. ГЕРАСИМОВА

ПШЕНО НЕРАДИВОЙ ЖЕНЩИНЫ

РАССКАЗ

С. РОМАНОВСКИЙ

Алеша и Никита отправились на лыжах на озера — окуней блеснить.

В пути они поочередно несли тяжелую, как гиря, пешню — лед долбить.

Зимний лес был чем-то встревожен: деревья, опушенные снегом, дымились и покачивались. А когда ребята выехали в луга — белая поземка волнами покатилась им навстречу.

Из нее на широких лыжах вынырнул мордвин Никанор — великан с синими глазами и заиндевелой бородой — и спросил:

— На рыбалку пустилися?

— Окуней поблеснить,— ответил Никита.— От щук тоже не откажемся.

— Толку не будет,— сказал Никанор.— Домой ступайте. Пшено нерадивой женщины...

Последние слова его вместе со снегом отнес ветер, и Никанор исчез.

— Про какое пшено он говорил? — спросил Никита.— Пшено какой-то женщины... Что теперь делать-то?

— Вернемся,— предложил Алеша.

— Если ты трус — возвращайся,— отрезал Никита и, бодая ветер головой, пошел вперед. А Алеша за ним.

Лыжи у Никиты были дорогие, лакированные, как модельные туфли; но жаль — тонковаты. Под ним они проваливались в снегу, и Алеша сказал:

— Давай поменяемся лыжами. На время. В моих тебе легче будет идти...

Никита остановился, отвернулся от снега, снял рукавицу и, голой рукой отирая красное лицо от пота, спросил одышливо:

— А... ты? Ты-то как... пойдешь?

— Я легонький. Меня твои лыжи выдержат.

— Погоди,— сказал Никита.— Мы вроде на озере стоим.

Сквозь струящийся снег местами проглядывал темный или зеленый лед.

— Скидывай лыжи! — распорядился Никита.— Будем лед долбить. Что это за озеро?

Без лыж ребята легко пошли по льду, по застругам твердого снега и напали на четырехугольную прорубь, подернутую тонким, как оконное стекло, ледком.

Сквозь него просматривалась верша, сплетенная из зеленых прутьев.

— Пойдем отсюда,— сказал Алеша.— А то подумают, что мы чужие верши проверяем.

— Если ты трус — иди! — оборвал Никита.

Пешней он легонько разбил ледок в проруби и выволок вершу на свет. В ней кипмя кипела рыба: красные караси; белые, с черными спинами, сороги; черно-зеленые, а то и совсем черные, как угри, щуки... Все это извивалось, билось о прутья, прыгало и скрипело.

Отсюда далеко шел острый запах рыбы, тины и жаркого лета посреди дымящихся снегов.

Всю рыбу Никита сложил себе в заплечный мешок, надел его на спину, встал на Алешины лыжи.

Алеша же пустую вершу опустил в воду и установил на прежнем месте.

— Это не обязательно,— осудил Никита.— Вершой ловить запрещено.

Взвалив пешню на плечо, поехал домой. А Алеша за ним.

Через некоторое время Никита остановился и сказал с натугой:

— Если ты... понесешь пешню, мы с тобой немножко рыбой поделимся.

— Я и без дележки понесу! — отозвался Алеша.

Он взял ледяную пешню у Никиты, и они пошли в крутящийся снег. Снег был повсюду: спереди, сзади, снизу, сверху. Сейчас трудно было представить, что где-то на Земле есть края без такого вот снежного месива.

Теперь Алеша шел впереди, а Никита за ним.

— Ты не беги сломя голову,— сопел Никита.— Бежит, как на пожар!..

— Давай я мешок понесу,— предложил Алеша.— Тебе сразу легче станет.

— К моей рыбе подбираешься? — кряхтел Никита.— Шиш тебе, шиш!.. Понял?

У Алеши не было сил отругать Никиту за его несусветные слова. Лесной житель, Алеша еще со встречи с мудрым Никанором понял, что в такую погоду лучше всего — дома сидеть. А сейчас он,

как лошадь в буран, причуивался к снегу. Не повеет ли где дымом жилья, конским навозом или смолой сосны, чтобы на запах выйти к людям.

И, уловив среди снежной мертвой свежести — справа от себя — горечь дыма, круто повернул направо.

Идти стало легче. Под ногами заблестел лед, вылизанный ветром. Дети увидели четырехугольную прорубь, ту самую, которую час, или два, или три назад опустошил Никита.

А рядом — на застругах — свои давние следы.

— Мы никуда и не ушли! — заплакал Никита и лег на лед.— У меня уже сердце останавливается. А может, и остановилось давно. Я давно живу без сердца.

— Вставай, Никита,— попросил Алеша.— Вставай — простудишься.

— Я не встану,— не сразу отозвался Никита.— Я спать хочу. У меня глаза слипаются.

— Если ты не трус, то встанешь! — рявкнул Алеша громовым голосом, какого он не ожидал сам от себя.

Никита разлепил глаза и спросил:

— Что? Что?

— Если ты не трус,— твердо повторил Алеша,— то встанешь.

— Это не твои слова, а мои,— трудно ворочая языком, напомнил Никита.— Мои, а не твои...

— Были твои, а стали мои! — отрубил Алеша и попытался поднять безвольное грузное тело Никиты.— Ну, пожалуйста, вставай, а то замерзнешь. Ты себя-то хоть пожалей! Ты же засыпаешь, замерзаешь...

— Да нет,— тянул Никита, но с помощью Алеши нехотя поднялся на ноги и, покачиваясь от ветра и собственной слабости, заплакал:

— Да не держат меня ноги, не держат!

— Если ты не трус, то выдержат!

— Да?..

Тут из снежной мглы появился великан с закуржавевшей бородой и синими глазами — охранник лугов Никанор — и сказал:

— Сейчас же пойдемте, ко мне в тепло. Погодите, я только вершу проверю. О, да вы, никак, уже собрали рыбу для меня? Славно. Да она чего-то у вас быстро заледенела. Все рыбы — как колотушки. Ну да ладно. Мне разрешено одну вершу держать. Вот она меня и кормит маленько.

Жилье Никанора — просторная землянка с кирпичной печкой — оказалась совсем рядом. Всю землянку снегом замело. В двух шагах можно пройти и не заметить, если бы не труба, из которой шел дым. Видимо, его-то и почуял Алеша на подходе к озеру.

В землянке ребята отогревались.

Жарко-прежарко Никанор топил печку-одноколенку; плясало пламя; гудел ветер в трубе на разные голоса; и все они — эти голоса — были хотя и дикие, но добрые.

Холод долго-долго выходил из ребят, и окончательно он вышел, когда Никанор накормил гостей ухой с перцем. От нее пот прошиб Никиту, а у Алеши щеки еще долго цвели, как маки.

Вместе с ребятами оттаяли и отогрелись рыбы из верши. Сейчас они шевелились и прыгали в тазу, отчего таз звенел, а Никанор на этот звон одобрительно улыбался.

— Никанор Кондратьевич,— сказал Алеша.— Вы говорили про пшено какой-то женщины... Мы ничего не поняли.

— Говорил,— согласился хозяин, выбирая рыбьи косточки из бороды.— Говорил — не отпираюся! Остерегал вас от рыбалки. «Пшено нерадивой женщины». По-мордовски будет слово в слово «Телаи авань ямкст». Это поземка будет по-русски. Почему поземку эдак зовем? Красивый парень сватался к одной женщине. Верховный Бог отговаривает: «Не советую. Женщина она нерадивая. Неумеха. Ни варить кашу, ни рубаху заштопать толком не может. Сколько у нее мужей было, и все ушли». Парень говорит: «Я уж к ней сватов посылал. Завтра свадьба у нас!» Верховный Бог головой качает: «Ой, какой ты прыткий!» Назавтра парень поехал жениться и не проехал... Нерадивая женщина устряпалась, пшено рассыпала. Вот оно всё дороги жениху перемело. Так и не женился на ней и дома остался сидеть. Вот и вы, мужики, так же смотрите на поземку... Если поземка дороги путает — дома сидите.

Трещал огонь в печи.

Эту ночь под косматым полушубком Никанора ребята спали крепко.

Пожалуй, так, как никогда в жизни.

Сквозь сон они слышали, как хозяин хлопочет по хозяйству, откапывает землянку от снега, каструлями бренчит, но проснуться не могли.

И во сне, как и наяву, ребята наслаждались теплом человеческого жилья.

Окончательно проснулись они ближе к полудню. Единственное окошко в землянке было ярким. Будто оно само по себе — дневное светило.

— Выспалися? — спросил Никанор.— А то давайте еще, пока спится. Спите досыта, пока молодые.

Он накормил их ухой с перцем и перед дорогой дал каждому свежей рыбы поровну.

— Отцу и матери от меня кланяйся,— наказал он Алеше.— Чего они ко мне в гости-то не заходят? Соседи все же.

— Зайдут,— пообещал Алеша.— Теперь зайдут обязательно. И вы к нам заходите почаще.

— Зайду,— пообещал и Никанор.— Гости на гости — радость к радости!

Засмеялся и показал дорогу:

— Вдоль леска пускайтеся. Ну, с Богом, мужики.

— Спасибо, Никанор Кондратьевич,— хором поблагодарили ребята синеглазого великана и поехали домой.

Теперь они ехали рядом.

Голубели снега в застругах и свеях, как в июле песчаный берег большой реки.

Лес сверкал снежными одеждами и молчал; и что-то веселое и виноватое было в его молчании.

Рисунок О. Милениной

Что я видел в Индии

С. САХАРНОВ

ВСТРЕЧА

Была у меня книжка. Про то, как один человек приехал на пароходе в Индию, вышел из порта и только отошел от города, увидел прямо у дороги слона. Тот помогал людям таскать бревна.

Еще в книжке говорилось, что в Индии много лесов, страна очень интересная, но очень бедная.

Прошло много лет, и случилось так, что я тоже попал в Индию. И вот едем мы по дороге. На автомобиле. Дорога черная, блестящая, покрытая асфальтом. Едем и вдруг навстречу — слон. Жует на ходу ветку с листьями, позвякивает цепью (к ноге у него была привязана цепь), верхом на слоне погонщик-махут.

Мы обрадовались, остановили автомобиль и давай спрашивать — что это за слон, откуда и куда они идут?

— Раньше этот слон работал на лесопилке,— говорит погонщик,— подтаскивал к механической пиле бревна. А теперь наш кооператив купил трактор и слон оказался без дела. Веду его в заповедник.— Он вздохнул: — Там слону придется доживать свой век среди диких слонов.

Безработный слон, ну надо же! Я вспомнил, что, когда мы подлетали к столице Индии городу Дели, уже сверху было видно — все поля распаханы, всюду квадратики, квадратики, повсюду города, деревушки, почти не осталось диких лесов, а по дорогам бегут разноцветные пятнышки — автомобили.

«Да,— подумал я,— видно, Индия уже не та, что описывалась в книжке. Интересно, какой же она стала?»

ДВА ГОРОДА

В Дели мы прожили несколько дней. В этом громадном городе оказалось... два города. Новый и Старый. В Новом — просторные улицы, поток автомашин и огромные, застекленные во всю стену дома. Рядами большие магазины, за витринами идет неторопливая торговля. Много деревьев, цветов.

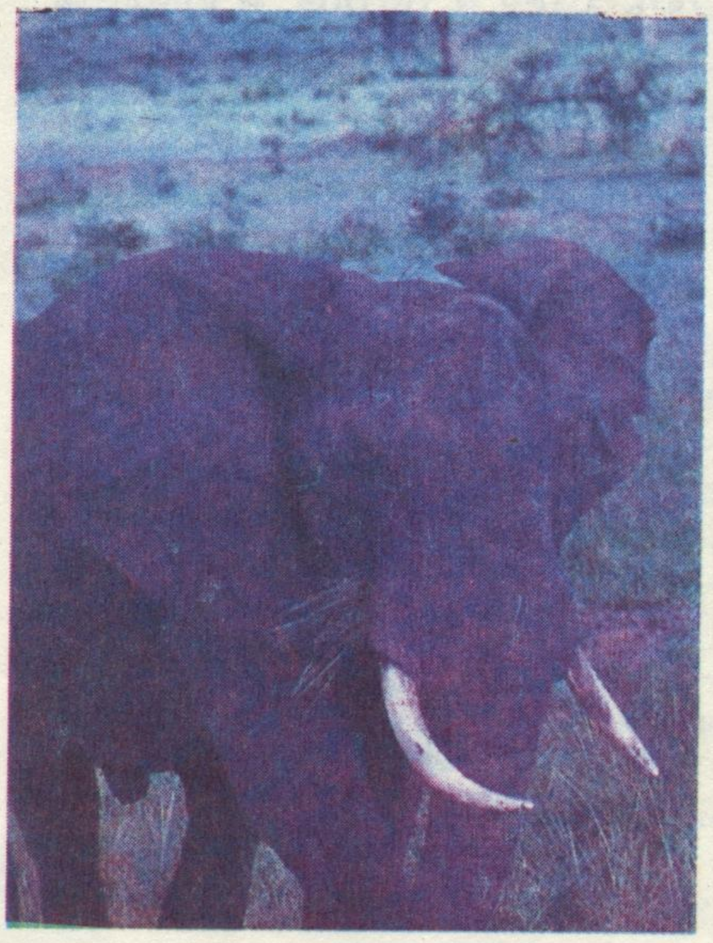
А Старый Дели — это узенькие улочки, запруженные народом, низкие дома с балкончиками, деревянными галереями. Наш автомобиль все время застревал в потоке людей. Идут, стучат пальцами по стеклу: куда, мол, заехал? Тут же у стен прямо с лотков продают поджаренные на масле лепешки, на ходу едят, кто-то разогревает в котле приправленный перцем рис, кто-то жарит на противне кусочки бананов, кипятят чай, разливают по чашкам жидкий суп. Гомон, шум, толчея! А тут еще навстречу нам через толпу пробирается повозка, запряженная парой волов. Стой, назад! На тротуаре, под ногами прохожих, нищие, предсказатели судьбы с учеными птицами, снуют мальчишки с газетами. Народу!

«Только в Китае больше людей, чем в Индии»,— вспомнил я.

КАЛЬКУТТА

Когда я сказал: «Как у вас тут много народу!», мне ответили: «Здесь-то еще что! Вот вы побывайте в Калькутте!»

Приехали в Калькутту. Вот это действительно огромнейший город! Почти десять миллионов человек, целое государство. Даже домам уже нет места, нависли над мутными во-



дами реки. Улицы, переулки, автобусы, трамваи, люди, полно велосипедов, на них — по одному, по двое, даже по трое! Медленно вращаются колеса, катится людской поток. В автобусах, трамваях двери не закрыть.

Но как-то иду я по улице, вижу — роют посреди города огромную яму-котлован. И так места для домов мало, а тут такая ямища! А самое главное: народ кругом стоит и не возмущается, а очень весело на эту яму показывает. Смотрят, как самосвалы оттуда землю вывозят и радостно о чем-то говорят. Слышу знакомое слово — «метро». Так вот оно что! «Поздравляю,— говорю своему провожатому,— скоро у вас на улицах народу меньше станет. Метро — это знаете как удобно!» А он такой недоверчивый попался: «Не уверен,— говорит,— мы привыкли жить в муравейнике. Лучше не будет».

Вернулся я домой, в Ленинград. Как-то сижу у телевизора, показывают Калькутту. Смотрю — подземная платформа, к ней подкатывает бело-голубой поезд. Пустили метро! А потом показали улицу, так мне даже показалось, что на ней стало просторнее.

АВТОМОБИЛЬ В КУСТАХ

Индия торопится: ей надо делать все сразу — и строить заводы, и копать метро, и охранять змей и тигров, и следить, чтобы не вырубили последние леса, и выращивать урожаи, и учить в школах детей.

Индийцы многое уже умеют. Мне, например, очень понравилось, как они относятся к работе. Летели мы в заповедник, в тот самый, куда отвели нашего знакомого слона. Летели из Дели. Подошли к самолету поздно, за две минуты, сели в кресла. «Ну,— думаем,— пока экипаж все приготовит, пока разберутся с пассажирами, а еще надо запрашивать разрешение на взлет, там тоже торопиться не будут!» Но стрелки часов передвинулись на две минуты, мягко

запели моторы, самолет качнулся, побежал, мы в воздухе — минута в минуту! Так же точно прилетели, ни минуты опоздания. Вылезли — и самолет сразу же улетел. Огляделись мы — кругом кусты, деревья. Аэродром посреди джунглей. Никого нет. Одни мы. «Вот так раз — куда деваться?». Вдруг из-за куста выходит индиец в серой чалме и говорит — вы такие-то? Мы отвечаем: такие! Я за вами. Была телеграмма. Автомобиль ждет. Зашли мы за куст — там машина. Сели и поехали.

По пути я спрашиваю водителя: «Скажите, а если бы вы не приехали за нами? Или опоздали. Куда бы мы делись? Пошли бы через джунгли. Заблудились. Погибли?» — «Нет,— отвечает.— Если мне что-то поручено сделать, я должен это сделать точно. Иначе как мы превратим свою страну из бедной, какой она была еще вчера, в сильную и богатую?»

ПРО ТИГРА

В заповеднике мы прожили неделю и каждый день ходили в джунгли.

Скажем прямо, зверей там оказалось немного. Где-то на другой стороне озера бродило несколько слонов. Изредка хрюкая перебегали дорогу кабаны. Попалась как-то белка величиной с собаку — огромная малабарская белка. Я сперва даже подумал, что это обезьяна. И ни одной змеи, ни одного тигра.

— Покажу, покажу вам тигра,— все уверял нас директор заповедника, а когда настал уже день отъезда, провел к себе в кабинет, достал из ящика стола листок белой бумаги, положил перед нами и говорит: — Вот!

На листке нарисован большой, с тарелку, отпечаток кошачьей лапы. Видны когти.

— Понимаете, у нас в заповеднике остался всего один тигр,— говорит директор.— Мы срисовали его след. Мы очень гордимся этим тигром, но он очень осторожен и не подпускает к себе.

Вот так раз — единственный тигр!

РЕЗИНОВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Как-то я ушел из заповедника в соседнюю деревню. Иду назад по лесу... Странный какой-то лес: дерево от дерева стоит на расстоянии, между деревьями низенькая трава, к каждому дереву привязана чашечка. Что за чашечка? Хотел было к одной нагнуться, вижу — впереди бродит между деревьями парень, почти мальчишка. В руках у него глиняный кувшин. Подойдет к дереву, наклонится к чашечке и что-

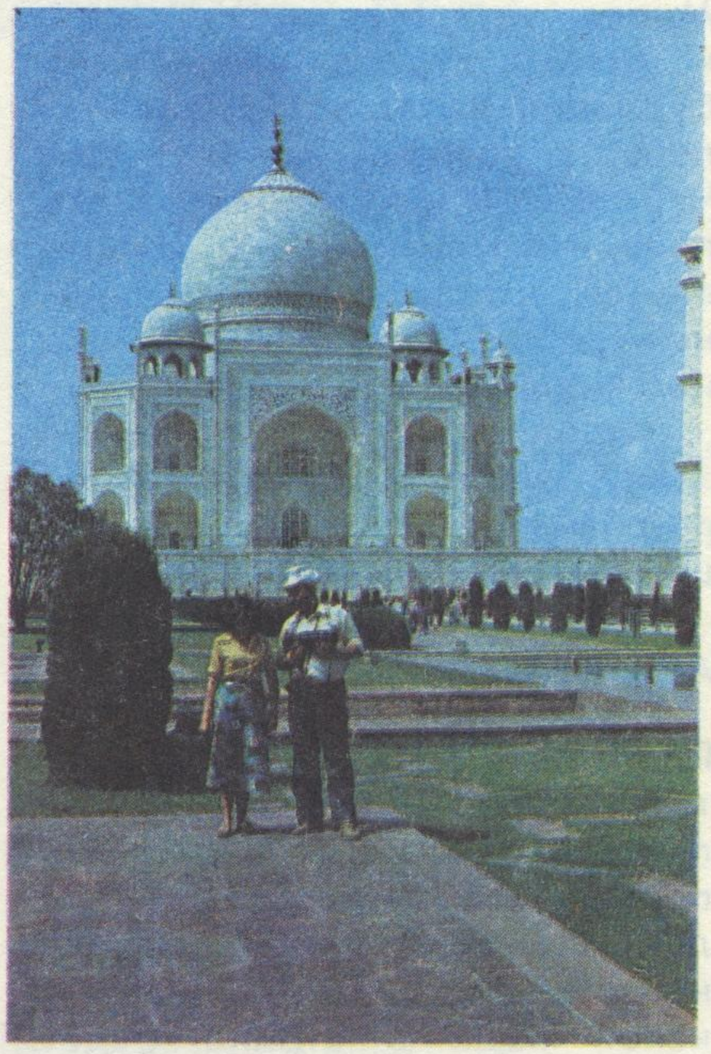
то выльет из нее в кувшин. Издалека — вроде льет белое молоко. Тронул я одну чашечку, а это половинка кокосового ореха, полскорлупки. Привязана к стволу на веревочке. В нее капает с дерева белый сок.

Тут меня и вовсе любопытство разобрало. Догнал я парня... а спросить не могу. Он улыбается, что-то на своем языке мне говорит, а я ему — на своем. Языки-то у нас разные! Впрочем, походили мы вместе, и я сам все понял. Деревья эти — каучуконосы, из их сока самую лучшую в мире резину делают. Сок липкий, тягучий... А паренек — сборщик сока. Хотел я его спросить: как на его языке эти деревья называются? Не сумел. А если так: резиновые деревья!

МАСТЕР

Маленький городок. Двухэтажные белые дома. В первых этажах повсюду лавки. Над окнами и дверьми на палках вывешены товары — где чем торгуют. Между овощной и текстильной лавкой — мастерская. Дверь снята, в глубине комнаты хозяин. Сидит на скамеечке, работает. Пальцами ног придерживает пузатый тонкостенный кувшин. В одной руке молоточек, во второй — резец. Тюк-тюк-тюк! — отделяется от металла красная стружка. Постучал мастер, наклонил набок голову, примерился и снова: тюк-тюк-тюк! На выпуклом медном боку уже видны стволы, листья, текут-переплетаются растения, а когда расходятся, между ними показываются то голова тигра, то лица охотников. Воины с копьями. Наклонился мастер и снова: тюк! А что это оказалось среди деревьев? Хобот слона, его голова, туловище... Вот так раз — человек с головой слона. И тут же кто-то начинает объяснять мне, что это слоноголовый бог мудрости Ганеши, и значит — это никакая не охота, а будет сейчас вразумлять бог и кровожадного тигра, и нетерпеливых воинов. Мудрость нужна всем.

А на полочках медные фигурки других богов: Брама, Вишну, Шива...



Их почитают в Индии до сих пор.

ХАНУМАН

Деревня. Глинобитные хижины, остроконечные сараюшки для топлива — для сухих коровьих лепешек. У колодцев женщины с медными кувшинами на головах. Все домики плоскокрышие, заборы глиняные. В прудах и в лужах черные, как камни, ленивые буйволы.

Промелькнул базарчик. Прямо на земле на подстилках, в корзинах пшеница, кукуруза, горками фрукты. Похожие на растопыренные пальцы бананы, красные и зеленые плоды манго, колючие, похожие на дыни плоды хлебного дерева. В Индии цветы и фрукты круглый год.

Дорога сделала поворот, и машина остановилась около беленького низенького храма. В Индии храмы посвящены разным богам, интересно — этот какому? Вошли... В глубине небольшой комнаты в нише фигура... обезьяны. Разодета в красный мундирчик, штаны с позолотой, на голове высоченная шапка, в руке — палица. Ага! Значит, это бог — обезьяна-воин. И сразу же я понял: это и есть знаменитый Хануман, герой любимой книги индийцев «Рамаяна».

Тихо в храме. Терпеливо, молча стоит в углу, смотрит на меня монах. В руке у него курится палочка. Поднимается от нее ароматный дымок, плавают вокруг обезьяньей головы синие кольца. Я стою, вспоминаю «Рамаяну».

РАМА И СИТА

У царевича Рамы злой демон Равана похитил любимую жену Ситу. В волшебной гремящей колеснице унес он ее по небу на далекий, лежащий в океане остров Ланку. Но сколько ни умолял там демон Ситу стать его женой, гордая царевна отвечала «нет». А в это время Рама безуспешно рыскал по всей Индии в поисках Ситы. Удачи не было, пока он не встретил в джунглях чудесных обезьян. Звери были похожи на людей и умели владеть оружием. Одним из их предводителей был Хануман — сын бога Бетра и простой обезьяны. Он обладал удивительным даром летать по воздуху. Став другом Рамы, он разузнал, где томится Сита. Огромные полчища обезьян выступили в поход. Под стенами столицы демонов завязалась битва. Она длилась несколько дней, много подвигов увидели воины обеих армий. Наконец Рама поразил волшебной стрелой предводителя демонов. С тоскливым криком рухнул на землю Равана. И тогда Рама приказал заложить волшебную колесницу, взошел на нее вместе с Ситой, и они отправились в обратный путь. Но впереди них по небу мчался подобный клочку яркого пламени Хануман, похожий сразу и на льва, и на птицу.

Это сказание знают в Индии стар и млад. И все считают, что из всех мужчин Рама всегда был самым мужественным и сильным, из всех женщин Сита самой прекрасной и верной, а из всех друзей Хануман — самым преданным.

— Будь таким, как Рама,— говорят индийцы своим сыновьям.

— Такой, как Сита,— говорят девочкам.

— Как Хануман,— учат всех.

БЕРЕГИ РУБАШКУ!

В Индии много праздников. И есть очень забавный. Проходит он в самом начале весны и, когда наступит, все задумываются: в чем выходить на улицу? Эту рубашку жалко — новая, эта — тоже хороша, а вот в этой — на локте заплатка, воротничок стерся — можно! Только ты вышел, из-за спины выскочил кто-то, плеснул на тебя из баночки. Ай, ай, ай! — растекается по плечу красное пятно. Подкрашенной водой облили! Навстречу мужчины, женщины, у кого синее пятно на платье, у кого вся спина оранжевая. И никто не обижается. Шутки, смех, детский визг. Праздник Холи, весна! Катят по улицам разукрашенные автомобили, велосипеды с разноцветными флажками, бегут лошадки с лентами в гривах, бредут быки с позолоченными рогами.

Холи! Холи!

ОЧЕНЬ МНОГО ЯЗЫКОВ

В Индии много школ. Правда, детей еще больше и не всем удается закончить школу. Приходится идти работать, помогать родителям. На уроках в индийской школе тишина, смуглолицые мальчишки и девчонки внимательно слушают учителя. Любимый урок их — история. Мало на свете стран, по земле которых прокатилось столько полчищ завоевателей, мало народов, которые испытали столько веков угнетения. Много народностей, племен, и оттого страна напоминает бурлящий котел или доменную печь, в которой варят чугун. Что только не брошено в эту печь, что только не перемешивается, чтобы получился единый народ. Отсюда — много неожиданных трудностей.

Зашел я как-то в книжную лавку, купить учебник по истории Индии, а продавец спрашивает:

— Вам на каком языке? — и давай перечислять.

У меня даже голова кругом. После скифских, арабских, португальских захватчиков Индию поработили англичане. Они правили страной больше ста лет. А когда Индия обрела независимость, встал вопрос: какой язык в стране будет главным и общим?

— Наш — язык бенгали,— говорили бенгальцы.

— Нет, наш — тамили,— спорили тамильцы.

— Малайалам! — настаивали живущие на самом юге люди малиали.

— Хинди! Нас ведь больше всего,— убеждали жители северa.

И тогда все поняли: англичан прогнали, а английский язык надо оставить. Как ни крути, он пока что общий для всех.

— Дайте мне на английском,— сказал я продавцу.

МАЛЬЧИК ИЗ МАДРАСА

На восточном побережье Индии есть городок Махалибапурам. Посреди него лежат похожие на спящих слонов скалы, черные, как смола. Говорят, древнее их нет на земле камней. В них вырублены храмы. Так вот, из большого города Мадраса в Махалибапурам ходит катерок, возит желающих посмотреть это чудо. Когда я садился на катер, то заметил матроса — мальчишку лет двенадцати. Он ловко управлялся с канатами, привязывал и отвязывал их.

— Ты откуда? — спросил я его.

— С юга, из Тутикорина.

— А кто твой отец?

— Рыбак.

— А мать?

— Она разделывает и продает рыбу.

— А почему ты не плаваешь с отцом или не помогаешь матери?

— У отца с матерью восемь детей. Я ушел, чтобы им было легче. Скоплю немного денег и пойду учиться.

— А кем ты хочешь стать?

— Капитаном. Наш капитан тоже начинал матросом, тоже подавал канаты и мыл палубу. Он никогда не бьет и не ругает меня.

Катер уже подходил к Махалибапураму. На берегу поднимались высеченные из черного камня низенькие храмы, входы в них были похожи на пещеры, в глубине их неясно и багрово горели свечи.

— Подать носовой! — скомандовал капитан, и мой маленький знакомец побежал на нос катера бросать канат.

Ему жить в новой Индии.

Фото автора

Уголок любопытных фактов

На индонезийском острове Калимантан в одной семье вырастили питона длиной шесть метров. У питона есть имя — Си Беланг, его купают два раза в день, кормят, а спит он в одной постели с детьми. Когда питон отправляется на прогулку, через деревню его несут пять человек. Все попытки оставить змею в лесу кончались неудачей — питон каждый раз возвращался домой.

* * *

В канадском городе Колборне живет говорящий ворон. Увы, его детство прошло в семье, где много ругались, и птица научилась отчетливо повторять дурные слова. Как-то ворон улетел, и жители Колборна вздохнули с облегчением. Но... вскоре из соседнего города явилась делегация школьников во главе с учителем. Ворона там поймали и, услышав, что он говорит, решили вернуть на старое место. «Мы боремся за чистоту английского языка!» — заявил учитель.

* * *

Слоны в заповедниках Восточной Африки прекрасно знают, что живут в местах, где их никто не имеет права трогать. Мало того, они еще и знают, где проходит государственная граница. Когда однажды в Замбии решили отстрелять несколько сот животных, слоны дружно двинулись через границу в Танзанию. Но стоило им зайти за пограничные столбы, как животные спокойно начали щипать траву.

СТРАННЫЕ ДЕЛА

Фарид УСМАН

Друзья, посмотрите,
ну что за дела
зима натворила вокруг!
Ложбинка —
и та до сих пор не бела,
и даже листва на деревьях цела,
поскольку не видела вьюг.

И значит,
нельзя прокатиться с горы!
И значит,
не станут катками дворы!

Мы смотрим
и смотрим на небо,
а с неба —
ни горсточки снега...

Братишку на санках
давно не вожу,
без шубы хожу,
без ушанки хожу
в течение целого дня...

Нет,
эта зима,
я вам честно скажу,
не очень-то
греет
меня!

Перевел с узбекского
Николай ЛАММ

КЛЕСТЫ

Владимир СЕМЕНОВ

В январе клесты выводят
Голых маленьких клестят,
Скудный корм в лесу находят
И от радости свистят.
А мороз порою крут,
И куницы рыщут.
Но клесты в тайге живут,
Теплых мест не ищут.

ЗАЯЧЬЯ МЕЧТА

Вячеслав ЛЕЙКИН

Как наступит зима, снегом выбелит лес,
Тут и зайчик становится белым.
Он на юг не упрыгал, в нору не залез,
Так какой же, скажите, ему интерес
Рисковать своим маленьким телом?

От лисицы схоронится в белом снегу
И сидит, как сугробик. А сам ни гугу.
И тихонько мечтает про лето:
Как он будет скакать на зеленом лугу
В легкой шубке зеленого цвета.

Рисунок К. Почтенной

ИЗОБРЕТЕНИЕ ПИРАТА

Когда французского пирата Сюркуфа схватили и он предстал перед королевским судом, то на вопросы о месте хранения награбленных сокровищ упорно отвечал, что возил их с собой. Ему не поверили, решив, что сокровища — конечно же — упрятаны на далеком острове. А зря — пират говорил правду. В наше время обнаружили: якорь пиратского корабля отлит из сплава золота и серебра! Смелое решение? Читатели КИФа знают: идея будет необычна и красива, если она получена по правилам. Каким правилом воспользовался хитрый пират? Правилом Ресурсов. Иными словами, он не громоздил одну сложность на другую: не искал неизвестную пещеру, не рыл глубокий колодец и даже не присматривал в океане остров поукромнее, а ПРЕОБРАЗОВАЛ ТО, ЧТО УЖЕ ДАНО. А что было «дано»? Золото и серебро, которые запросто заменили железо в тяжеленном якоре...

Впрочем, Сюркуф был не первым, кто воспользовался подобным приемом,— в древней Греции в храме Парфенон гигантская статуя богини Афины была покрыта золотом и слоновой костью. Она служила жрецам и одновременно была «золотым фондом» государства. Да, чтобы решить задачу красиво, не забывай о Ресурсах — о том, что уже дано. Наш сегодняшний рассказ о Ресурсах-веществах.

ХИТРОСТЬ САЙРУСА СМИТА

Те, кто читал «Таинственный остров» Жюля Верна или видел одноименный фильм, конечно помнят Сайруса Смита — образцового инженера, не раз находившего выход из тупиковых ситуаций. В корзине падающего воздушного шара именно он увидел в мешке золота лишь балласт, мешающий шару сохранить высоту и дотянуть до земли. И — мешок с десятью тысячами франков летит в океан! А оказавшись на необитаемом острове, С. Смит развел огонь при помощи солнечных лучей и линзы! Но где он взял линзу на необитаемом острове? Инженер собрал ее из подручных материалов: стекол пары наручных часов, воды и глины. Мы не знаем, был ли девиз у С. Смита. Но он вполне мог бы избрать своим девизом слова, сказанные столетия спустя: **«Не ищи посторонних деталей, а используй Имеющиеся или «копеечные» Вещества: воздух, воду, сыпучие тела, пену, пустоту и даже... отходы».**

Недаром в школах каратэ, прежде чем сражаться с двумя нападающими, рекомендуют «не искать деталей», а закрыться одним нападающим от другого — ведь если нет товарища, то пусть один из нападающих мешает другому — с одним легче справиться...

Увы, и спустя два столетия хитрость Сайруса Смита для многих так и остается тайной. Для тех, кто понял, как использовать Ресурсы, предлагаем задачу, с которой столкнулись первые люди на Луне — Нил Армстронг и Эрвин Олдрин. Закончив программу исследования Луны, американские астронавты вернулись в кабину взлетного блока. Перед стартом выяснилось: у выключателя зажигания взлетного двигателя отломан рычажок! (Один из астронавтов повредил его, задев ранцем при входе в тесную кабину). Армстронг, командир корабля, доложил о создавшейся ситуации на Землю, в Центр управления космическими полетами... Как быть?

А вот вполне земной пример: у больного опухоль. Десятки, сотни лет хирурги поступали одинаково: разрезали больного, вырезали опухоль. В крайнем случае перевязывали или вырезали кровеносные сосуды, питающие опухоль... Да, не пожелаем никому оказаться на месте больного. В то же время — десятки и сотни лет было известно: частички жира и сгустки крови закупоривают кровеносные сосуды. К сожалению, подобная закупорка — одно из самых тяжелых осложнений при травмах и в послеоперационный период. Применим наши знания: что такое жир и кровь для человека — «посторонняя деталь» или Ресурс — «то, что уже дано»? Иными словами — вещество! Было предложено использовать искусственную закупорку на пользу больному — ведь частичками жира и сгустками крови можно перекрыть просвет сосуда, питающего опухоль, и она начнет

отмирать! А как вводят частицы, закупоривающие сосуды? Тоже хирургическим путем? Нет. Для этого достаточно воспользоваться шприцем — на это решение советским медикам выдано авторское свидетельство на изобретение № 1329775.

... А как же быть астронавтам? Все сотрудники американского Центра управления полетами решали эту задачу, а двое астронавтов на Луне ждали, ждали, ждали... Наконец один из сотрудников Центра посоветовал вставить в обломок рычажка... стержень шариковой ручки и пользоваться им как рукояткой. Идея оказалась удачной, и астронавты покинули Луну.

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ 1.

Какие фокусы ты знаешь? Какие Ресурсы там используются? Лучшие предложения мы обязательно опубликуем...

КОПЕЕЧНЫЕ ВЕЩЕСТВА

Кажется, фокусник на арене цирка наливает воду в сосуд прямо из воздуха. Вы скажете — ловкость рук и только. Но когда в пустыне, где на сотни километров вокруг нет ни капли дождя, а только засыпанные колодцы и пересохшие речки, появляется прямо из воздуха живительная влага... Это тоже ловкость рук, очередная изобретательская хитрость. Даже в самых жарких пустынях и в холодной Арктике воздух не бывает абсолютно сухим. Изобретатели придумали, как подключиться к «небесному водопроводу». Для этого нужен перепад температуры и поверхность, на которой, как на траве, оседали бы капельки росы.

Если надеть обычный полиэтиленовый пакет на колючки саксаула, то утром в пакете соберется влага. Обязательно ли использовать редкие колючки саксаула для сбора воды? Советские изобретатели предложили использовать в пустынях коврик с искусственными колючками. Если выжать коврик, он дает до стакана воды с каждого квадратного метра. В свою очередь, бывалые полярники советуют новичкам: отращивайте усы. Иней, осевший на них, тоже дает воду. На примере воды мы начали знакомство с так называемыми **«копеечными» Ресурсами, к которым, как мы уже знаем, обычно относят воду, воздух, пену, сыпучие тела, пустоту и отходы.**

Почему важно знать о «копеечных» веществах? Во-первых, они действительно дешевы, а во-вторых, о них часто забывают. А зря. При устройстве первых планетных поселений перед землянами встанет задача: как охладить поверхность той же Венеры, нагретой Солнцем почти до 500° С. По одному из предложений — вокруг Венеры следует распылить густое облако из песка, рассеивающее солнечные лучи. А как создать лучом лазера объемные (голографические) изображения, «висящие» в воздухе? Такие изображения уже есть, и они действительно висят, полученные на объемном экране-облаке из слегка запыленного мелким песком воздуха. А что делать водителю большегрузного автомобиля, у которого на спуске с горки отказали тормоза? Выпрыгивать, как каскадер в кино? Не годится: а другие машины, а перевозимый груз — что станет с ними? Французские изобретатели решили эту проблему так: вдоль всего спуска надо вырыть канаву и засыпать песком или щебнем. Если тормоза не работают — достаточно движения руля, и колеса грузовика зарываются в песок, машина плавно тормозит и груз сохраняется. Вот на что способен песок, по которому мы ходим и о котором забываем, едва покинув детскую песочницу!

КОНКУРСНОЕ ЗАДАНИЕ 2.

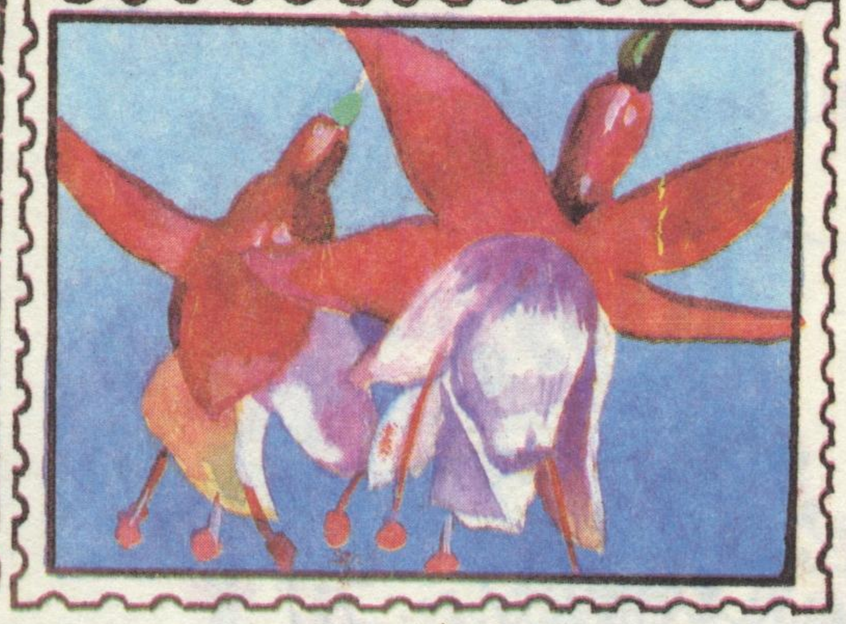
Какое из веществ, возникающих при работе тракторного двигателя, можно применить как даровую смазку для снижения трения плуга о почву?

Подведем итоги. При решении задач разумно использовать уже имеющиеся или «копеечные» вещества — в этом случае твое решение будет лучше, чем у других... О чем мы еще не рассказали? О пустоте и пене — о них отдельный рассказ в следующем выпуске.

Ждем ваших писем на конкурс: победителям приготовлено 10 призов-книг по изобретательству и фантастике. Наш специальный приз — лучшему критику, отметившему недостатки и достоинства рубрики. На конверте сделайте пометку: КИФ.

И. ВИКЕНТЬЕВ,
И. КАЙКОВ
Рисунки Л. Московского

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ



Оформление Т. Панкевич

ЯНВАРЬ

Лес молчит — в январе птицам не до песен. Холодно и голодно. Небо затянуто серыми обвислыми тучами. Но все чаще пробивается сквозь них холодное солнце и синеет небо. Синеют тени на снегу. За эти недолгие синие деньки и прозвали январь — просинцем.

За окном пухнут сугробы, спят скованные морозом деревья. Зима-зимой, белым-бело, и только на окнах — островки зеленого лета: домашние растения. Глаз радуют и о нашем здоровье заботятся.

Чем болен дом?

Наши привычные комнатные растения — не только украшения окон и стен. Они постоянно трудятся, создавая в доме здоровый микроклимат. Ионизируют воздух, убивают болезнетворных бактерий. Не зря наши прапрабабушки разводили герань и бегонию, фикусы и цитрусы. А с тех пор, как в дома вошла химия, роль комнатных растений стала значительней.

Пожалуй, мы и не догадываемся, что во многих недугах, от обычных простуд до аллергии и страшных легочных болезней, виноват... наш дом. Вернее, воздух в доме. Плотно закрывая окна, мы рассчитываем отгородиться от пыли и загазованного уличного воздуха. А каким воздухом мы дышим в помещении? Хорошо еще, если в доме нет табачного дыма. Совсем не безобидны газовые плиты и горелки, камины и дровяные печи. От сгорания дров и газа выделяется окись углерода, окислы азота и другие загрязнители. Причиной болезней могут быть и домашние вещи: синтетические стиральные порошки и другие моющие средства, которые хранятся в любом доме. Опасны пары лаков, красок и их растворителей, аэрозолей, дезодорантов. По результатам исследований на первом месте среди загрязнителей воздуха в домах оказался газ — формальдегид. Он содержится в тысячах вещей, включая ковры, фанеру, мебель из прессованных плит, пенопласт, которым утепляют окна... Как тут помочь? Оказалось, что лучше специальных технических устройств воздух очищает... хлорофитум — всем известное комнатное растение. Хлорофитум, и особенно его быстрорастущие отростки с пучками листьев на концах, усваивает вредные газы и, как выяснилось, с феноменальной скоростью. Для того чтобы загрязненный воздух в доме очистить за сутки, достаточно примерно 15 таких растений.

Цветы для космонавтов

Как, по-вашему, можно озеленить космический корабль? Растения в запаянных ампулах и емкостях — не в счет: это для опытов. Фикус в кадке — явно не подходит...

Ученые придумали, как выращивать растения на искусственной почве, которая по своим свойствам не уступает чернозему. Она не распыляется и не крошится, легка, эластична, принимает любые размеры и формы. Этот розовый коврик можно расстелить на полу, можно подвесить вертикально, а это немаловажно для космического корабля или подводной лодки. Достаточно полить эту «почву» водой, и оживут заранее внесенные в нее семена, пойдут в рост черенки растений. Создали ее ленинградские ученые — текстильщики и биологи. Опыты показали, что на искусственной почве хорошо растут герани, бегонии, аспарагусы, овес, астры, орхидеи и даже редиска. И еще важная особенность: искусственная почва способна поглощать звук, впитывать в себя, как губка, вредные газы и пыль, и от этих веществ ее можно легко очистить. Такая почва незаменима

для больниц, где требуется высокая стерильность. Нужна она и полярникам, там, где просто нет почвы.

И ничего сказочного! В основе искусственной почвы — синтетические ионообменные волокна, переработанные в пористый материал и насыщенные питательными веществами. При смачивании водой корни растений, в обмен на свои выделения, извлекают из «почвы» ионы питательных элементов, сколько растению требуется.

НАШИ питомцы

Домашнее лекарство

«Зеленые страницы»! Как вылечить мои растения? В горшках на земле появились маленькие белые насекомые, они всплывают при поливе и их очень много...»

Воронова Катя, *Приозерск*

Мы отвечаем Кате и другим ребятам, как избавиться от вредителей комнатных растений. Мелкие прыгающие насекомые белого цвета — это ногохвостки (подуры). Они попадают в комнаты с садовой почвой при пересадке растений. Поэтому принесенную с улицы почву лучше сначала пропаривать на огне в закрытой посуде до получаса. Уничтожить подур можно, присыпав землю в горшке сухим песком и сократив полив.

Труднее бывает избавиться от тли, но все равно лучше не пользоваться химическими препаратами. Можно приготовить домашнее лекарство. Заболевшее растение сначала обмой мыльной водой. Против тли и паутинного клеща используют настои лука, чеснока, горького красного перца, ботвы картофеля и томатов, апельсиновой и лимонной кожуры. Приготовь настой из одной чайной ложки нарезанного лука или половины чайной ложки чеснока на стакан воды. Настой плотно закрой, и через сутки он готов. Обмой им больное растение несколько раз. Поможет и душистая герань. Если поставить ее рядом с этими растениями, тля исчезнет на второй-третий день.

Почему не спит черепаха

«Дорогая редакция! Моя черепашка Джулька не ест, не пьет, не спит — мучается бедненькая. Почему она не впадает в спячку?»

Оля Г.,
12 лет, Тюмень

Зимой черепахе полагается спать, а в комнате тепло, вот она никак и не заснет. Тебе, Оля, надо завернуть черепашку в мягкую тряпку, посадить ее в ящик или коробку с листьями, сеном и вынести в прохладное место. Лучшая температура для зимовки черепахи — около нуля градусов, но может спускаться и до минус десяти. Черепаха спокойно проспит зиму. А в марте внесешь черепашку в комнату, пересадишь в коробку с песком. Через сутки начинай обогревать ее в дневное время лампой. Когда черепаха проснется, слегка смажь ее кожу и панцирь подсолнечным маслом. Корми травами, кусочками фруктов, овощей. И подогревай черепаху. Ее любимая температура — 24 градуса тепла.

«Зеленые страницы» награждают

книгами за лучшие рассказы о природе по итогам 1990 года **Женю Семенова** (Улан-Удэ), **Сергея Ибрагимова** (Нижний Новгород) и **Мишу Комарова** (Саратов)

Материалы подготовила Н. ИВАНОВА

Весёлый Звонок

Составил и оформил Л. Каминский

Дорогой Учитель смеха!

Пришлите мне адрес какого-нибудь мальчика, чтобы с ним переписываться. Я хочу иметь единомышника.

***Шура Р.,** Ферганская обл.*

Дорогой Шура!

Попробую тебе помочь, хотя мальчика, интересующегося мышами, найти не очень легко.

Учитель смеха

Уважаемый Учитель смеха!

Вот читаю ваш конкурс «И ВСЕ ЗАСМЕЯЛИСЬ!», а мне ни капельки не смешно.

***Саша А.** из Архангельска*

Дорогой Саша!

Чем тебе помочь? Могу посоветовать следующее: когда будешь читать наши рассказики, последнюю фразу читай так: «И все НЕ засмеялись!»

Учитель смеха

Дорогой Учитель смеха!

Я очень мечтаю получить приз, а вы мои рассказы не печатаете. Прошу их срочно опбубликовать!

***Юля Ч-ва,** Москва*

Дорогая Юля!

К сожалению, твои рассказы не очень смешные. А вот письмо твое меня развеселило. И за него ты получишь приз — бублик.

Учитель смеха

Здравствуйте, дорогой Учитель смеха! Понравились ли Вам мои стихи?

***Таня М.,** Ленинград*

Дорогая Таня!

Стихи мне понравились. Особенно эти строчки:

«Мороз и солнце! День чудесный!
Чего ты дремлешь, друг прекрасный!..»

Только здесь у тебя не очень точная рифма.

Давай сделаем так:

«Мороз и ветер! День ненастный!..»

Хоть погоду мы и испортили, зато рифма — хорошая, почти как у Пушкина!

Твой Учитель смеха

Рисунок К. Леонидова

Конкурс „И все засмеялись!“

Лаконичный ответ

— Скворцов, к доске! Стихотворение выучил?

— Я.... это... как его...

— Не выучил? Садись, два!

— За что? И слова не дали сказать!..

— Хорошо, начинай.

— Что начинать?

— Стихотворение!

— Я не выучил.

И все засмеялись!

Максим Кондратюк,
Харцызск
Тюменской обл.

Эрудит

Однажды мы с ребятами стали строить во дворе снежную стенку. Я решила украсить ее колоннами. Когда я закончила, подошел один мальчик, внимательно посмотрел и похвалил:

— Очень красиво! Как в древнеегипетских Афинах!

И все засмеялись!

Юля Надточий,
6-й класс,
Бровары Киевской обл.

Мороз крепчал

Шел урок русского языка. Каждый ученик должен был встать и привести пример предложения с союзом «и». Дошла очередь и до Паши Мухина.

— Мороз крепчал и щипал уши, лицо и руки,— сказал Паша.

— Что здесь соединяет союз «и»? — спросила учительница.

— Уши,— ответил Паша после долгого молчания.

И все засмеялись.

Ильшат Шарипов,
село Старосубхангулово

Хороша русская зима!

Так называлась тема нашего домашнего сочинения. Ольга Ивановна проверила наши работы, а потом сказала:

— Сейчас я вам прочитаю сочинение Димы Борина. «Хорошо зимой: можно покататься на лыжах, на коньках и на санках. А однажды я видел, как ехал по дороге автомобиль, его занесло, и он врезался в столб. Хороша русская зима!»

И все засмеялись!

Дима Танков,
6-й класс,
Новокузнецк

А кстати...

...все ли знают условия нашего постоянного конкурса (который, кстати, продолжается целых 10 лет!)! Условия очень просты: нужно вспомнить смешной случай, записать его в виде маленького рассказа, который заканчивался бы фразой «И все засмеялись!» и послать мне по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», Учителю смеха.

Победителей конкурса ждут призы — веселые книжки и юмористические дипломы.

Сразу хочу предупредить, не пишите мне в письмах: «Жду ответа, как соловей лета», потому что ответить я все равно не смогу — ведь писем приходят тысячи. И не забудьте указать свой подробный адрес, класс и, конечно, имя и фамилию.

Кстати, вам, наверное, не нужно объяснять, что рассказы списывать нельзя. Тот, кто берет готовые сюжеты из журналов и книг и выдает за свои, никаких призов не получит. С какой стати!

Ваш Учитель Смеха

Из неполного собрания школьных сочинений

У моего друга курносый нос, плавно переходящий в шею.

На стене висел разрывной календарь.

Когда Нину съела совесть, она пошла в школу.

Галилей изобрел микроскоп и смотрел через него на луну.

Мой папа водитель автобуса дальнего плаванья.

Прислали:
Денис Епифановских *(Пермь),*
Жанна Урбанович *(Карпинск Свердловской обл.),*
Наташа Крючкова *(Череповец),*
Артем Денисов *(Кострома),*
К. Лаврюшкин *(п. Яйва Пермской обл.)*

ХОЧЕШЬ СТАТЬ ЧЕМПИОНОМ?

Главнокомандующий АРЧЕБЕКом (Армия Разведчиков Черно-Белых Клеток) непобедимый шахмат-адмирал Ферзьбери объявляет: чемпионаты 1991 года по шахматам, по русским шашкам (РШ), по международным шашкам (МШ) — ОТКРЫТЫ!!!

Сразиться за звание чемпиона имеет право каждый разведчик. А чтобы им стать, нужно срочно написать шахмат-адмиралу просьбу о приеме в АРЧЕБЕК — «Прошу принять меня...». Писать — на открытке (почтовой карточке). Указать фамилию, имя, класс, адрес и вид (ШХМ, РШ, МШ), в котором ты хочешь участвовать. А адрес АРЧЕБЕКа такой: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

Победителей ждут дипломы и призы, выполнивших норму — спортивные разряды (4-й, 3-й, 2-й). Разрядные нормы шахмат-адмирал назовет в августе, когда начнется финал, куда попадут разведчики, набравшие в отборочных соревнованиях (январь — июль) 40 очков из 70 (14 боевых заданий по 5 очков за каждое).

В АРЧЕБЕК принимаются и те, кто еще не умеет играть. Они зачисляются в Отряд резерва, где постигают премудрости игры, после чего переводятся в разведчики.

И учти: что будет потом — неизвестно, но **сейчас принимают в разведчики всех.** А потому — НЕ ПРОПУСТИ МОМЕНТ! БЕРИ ОТКРЫТКУ, РУЧКУ, САДИСЬ — ПИШИ! **Напишешь, отправишь и сразу начинай выполнять боевые задания. Выполнишь, пошлешь рапорт с решениями и получишь очки. Успеха тебе!**

ЧЕМПИОНАТ — 91

Итак, доблестные разведчики, боевые задания 1-го тура перед вами.

ШАХМАТЫ

А. Белые: Крf8, Лh1, п.g6; черные: Крh8, Сg8, пп.g7, h7.

Б. Белые: Крf6, Фh3; черные: Крh5, пп.f7, h4.

Цель разведки: и в А и в Б объявить черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки:

Фигуры в шахматах обозначаются так: **король — Кр, ферзь — Ф, ладья — Л, слон — С, конь — К, пешка (пешки) — п.(пп.).** А ходы записываются так: к примеру (см. диаграмму), король идет на d1 — пишут Крd1; ферзь идет на a2 — пишут Фa2; ладья идет на g1 — пишут Лg1; конь идет на e2 — пишут Ке2; пешка идет на e3 — пишут e3. За ходом белых пишут ответ черных: к примеру, Фg2+? Кр:g2 («+» в записи означает «шах»; «?» означает «ход плохой, ошибка»; «:» означает «бьет»). Если мат, пишут X; короткая рокировка — 0-0, длинная — 0-0-0; ! — означает, что сделан сильный (отличный, красивый) ход. При превращении пешки в ферзя пишут, к примеру, c8Ф, в ладью — c8Л и т. п. Ходы нумеруют Ход белых и ответ черных пишут под одним номером (к примеру, I. Фa2 Крf4).

РУССКИЕ ШАШКИ

А. Белые: b6, c1, e1, f4, g3, g5; черные: b4, b8, d8, h2, h6.

Б. Белые: b2, b4, d6, e5, f4, g3; черные: a7, d8, h2, h6, h8.

Цель разведки: и в А и в Б выяснить — прав ли приславший их в АРЧЕБЕК автор (Мерет Мяликов, Мары), который утверждает, что он сможет, играя в них белыми против кого угодно, не пропустить в дамки (на g1) черную шашку h2 и одержать победу?

Разъяснение обстановки: чтобы в РШ (или МШ) ответить на заданный тут вопрос, полезно знать, что такое КОМБИНАЦИЯ. Желающие могут спросить это в отдельном письме у Ферзьбери.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ

А. Белые: 30, 32, 33, 36, 39, 43, 48; черные: 7, 13, 18, 19, 20, 22, 26.

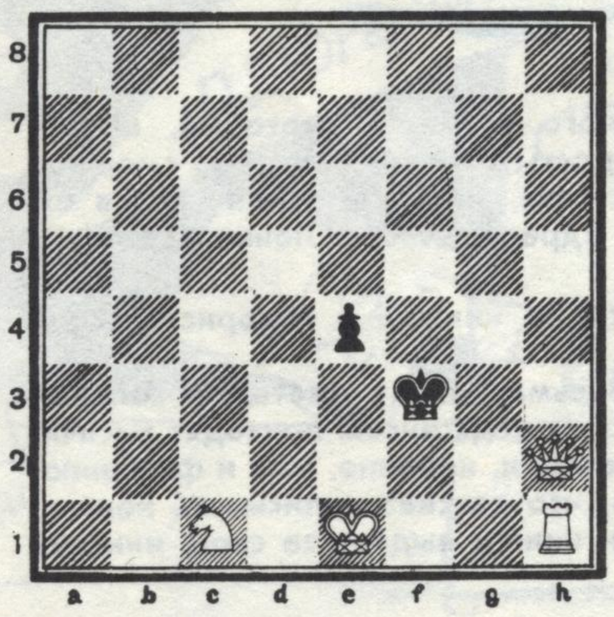
Б. Белые: 24, 29, 32, 34, 43, 48; черные: 12, 13, 21, 22, 25, 35.

Цель разведки: определить, как в А провести белыми победный удар в дамки на поле 1 и как в Б отдать пять белых шашек, чтобы затем одним ударом побить все шесть черных.

Разъяснение обстановки:

1) в МШ доска стоклеточная (10×10), а запись ходов цифровая. Каждому игровому (темному) полю присвоен номер: счет идет от верхнего левого поля (1) к нижнему правому (50).

2) МШ отличаются от РШ тремя правилами — они будут напечатаны позже (в заданиях 1-го тура эти правила применения не находят).



ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

Эта рубрика для тех, кто хочет научиться играть в шахматы.

Итак, внимание!

1) Узнай, как ходит каждая из фигур и что такое ШАХ, МАТ, ПАТ;

2) Придумай, нарисуй и пришли три позиции — с шахом, с матом, с патом. Выполняй!

СКОРАЯ ПОМОЩЬ ШХМ!

Если ты еще никогда не решал шахматных задач, то учти и запомни: 1) первый ход в них делают белые; 2) пешки белых идут вверх (от 2-й линии к 8-й), а черных — вниз (от 7-й линии к 1-й).

Задание «мат в 2 хода» означает: нужно найти такой первый ход белых, при котором королю противника, как бы тот ни ответил, белые вторым своим ходом дадут мат.

Вот задача Владимира Кожакина (Магадан). Мат в 2 хода.

Действуй так:

1) сначала убедись, что никакой из ходов королем, ладьей или конем не обеспечит мат вторым ходом, так как у черных всякий раз будет достаточный для защиты от мата ответ. Проверь это!

2) а теперь убедись, что при ходе 1. Фh4! белые дадут мат после любого из ответов черных. Убедился? Согласен?

Значит, задачу эту решает ход 1. Фh4! Так и надо писать в рапорте.

ПРИКАЗ № 1

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Рапорты о выполнении боевых заданий писать на открытках или почтовых карточках.

§ 2. Выбрать для себя пароль (слово или фразу) и указывать его в левом верхнем углу рапорта.

§ 3. Рапорт отправить в течение двух недель после получения журнала.

Шахмат-адмирал Ферзьбери.

Здравствуй!

Тебе, наверное, интересно, чем мы займемся в этом году? Будем шить и вязать по простым выкройкам, обязательно приготовим что-нибудь оригинальное и вкусное для всей семьи, попробуем самостоятельно вышить очень модный белый воротничок в технике «ришелье», непременно займемся косметикой: лечебной — в свободный вечер и декоративной перед походом в гости или на дискотеку, я постараюсь ответить на самые популярные вопросы из писем.

Для сегодняшней встречи я приготовила рецепты салатов. По-моему, те, что я нашла, тебе понравятся: они как раз по сезону и довольно просты. Никаких особенных продуктов не потребуется, разве что немного свежей зелени с рынка. Кстати, любой из этих салатов — отличный гарнир к гамбургерам. Гамбургеры — это горячие американские бутерброды, о которых мы поговорим в следующий раз. Итак, выбирай!

ТВОРОЖНЫЙ: протертый через сито творог смешай со сметаной, добавь растертый с солью чеснок и мелко нарезанные лук и зелень. Несколько листиков петрушки оставь для украшения. Творог очень вкусен и в смеси с крупно натертой морковью (или брюквой) и молоком.

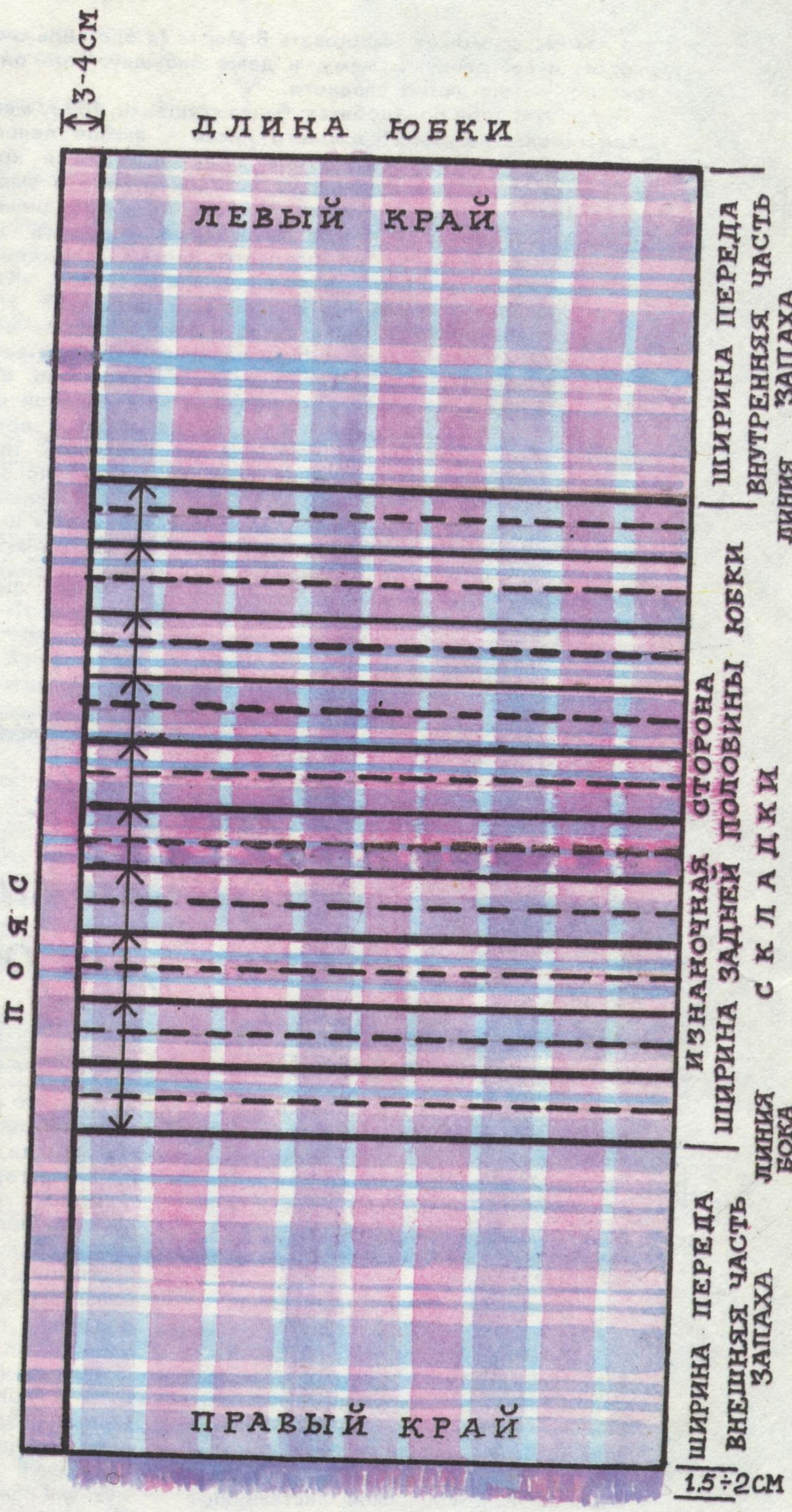
ОВСЯНЫЕ ХЛОПЬЯ С ЯБЛОКАМИ: три полные столовые ложки распаренных овсяных хлопьев смешай с натертой половинкой яблока и с предварительно замоченным изюмом (1 столовая ложка). Эту смесь нужно залить двумя полными столовыми ложками кефира и посыпать чайной ложкой очищенных семян подсолнечника.

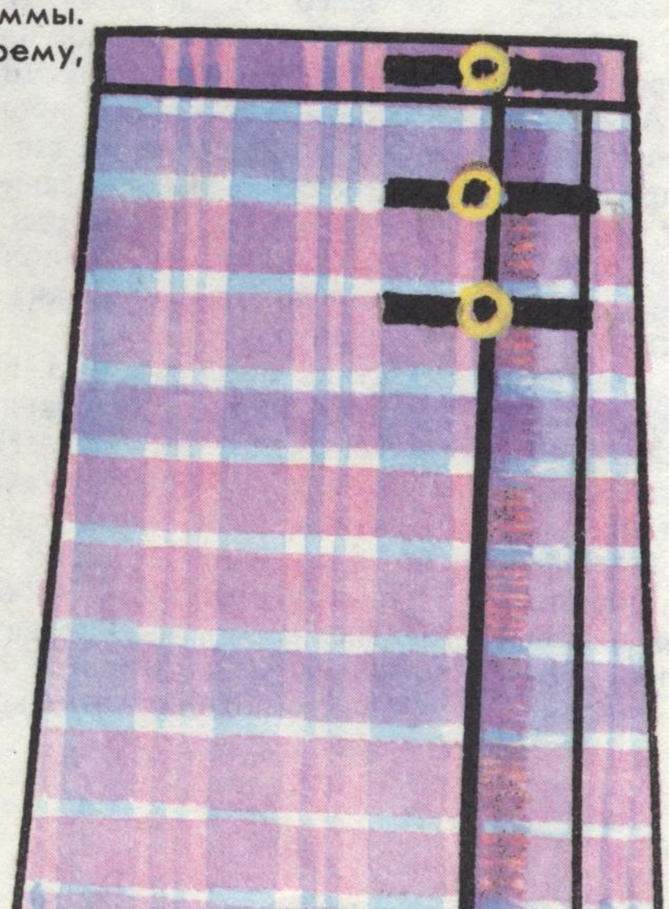
МОРКОВНЫЙ: морковь средней величины натри на мелкой терке, добавь мякоть половины апельсина и посыпь обжаренными подсолнечными зернышками.

Конечно, эти «зимние» салаты не получатся такими живописными, как из свежих августовских овощей. Но если хочешь, они станут уместными даже на праздничном столе. Только придется еще немного потрудиться на кухне. Не спеши доставать красивый салатник или блюдо. Обжарь несколько ломтиков белого хлеба или приготовь бутерброды из свежего хлеба с маслом. Уложи на них салат горкой и укрась листиками зелени. Можно сервировать еще интересней: из крупного соленого огурца сделай «лодочки» (разрежь огурец вдоль пополам и вычисти семечки) или «бочонки» (огурец раздели поперек на кусочки длиной 5—6 см; удаляя семечки, оставь тонкий слой на донышке). Вот и готовы маленькие съедобные салатницы.

Если ты уже умеешь пользоваться духовкой, советую испечь из соленого песочного теста корзиночки. Как это делается? К стакану муки добавь четверть чайной ложки соли. На муку положи 70 г. масла (или маргарина) и мелко поруби тупой стороной ножа, пока все не перемешается. Добавь 2—3 столовые ложки воды и один сырой желток. Замеси тесто. Готово? Теперь самое ответственное: тесто нужно раскатать тонко, чтобы получилось 10—15 корзиночек. Смазанные маслом формочки выложи тестом, подравняв края. Поставь формочки в духовку и выпекай, пока тесто не зарумянится. Готовые корзиночки остуди. Теперь можешь наполнять их салатом и украшать.

А теперь признайся: ты сладкоежка? Тогда у меня есть сюрприз для тебя — еще один рецепт сверх программы. У него очаровательное название — «Клубничка». По-моему,





это лакомство может обрадовать 8 Марта (а оно ведь очень скоро!) и сестренку, и маму, и даже бабушку, хоть она и говорит, что не любит сладкого.

Попробуй! Тебе понадобятся: банка сгущенки, 100 г. масла, одна свекла, немного сахарного песка и любое печенье. Взбей сгущенку и масло, чтобы получился густой крем. Выложи этот крем в кулечек из плотной бумаги и выдави на тарелку небольшие шарики. Поставь их в холодильник. Отваренную свеклу натри и выжми сок. Подкрась этим соком сахарный песок до розового цвета. Охлажденные шарики из крема обкатай в подкрашенном сахаре. «Клубнички» разложи на печенье. И зови всех пить чай!

Мы сегодня долго были на кухне и совсем забыли о рукоделии. А хорошо бы что-нибудь новенькое сшить к весне! Я предлагаю юбку-кильт. Модно, удобно и несложно. Форма и название этой юбки заимствованы из старинной шотландской одежды, поэтому иногда ее называют и просто «шотландской юбкой». Шьется она из клетчатой ткани. Сзади и по бокам — в складку, спереди — глубоко запахивается. Отделка очень своеобразна: по вертикальному краю выдергиваются ниточки и получается бахрома шириной 1,5—2 см. Сверху юбка застегивается на три-четыре коротких кожаных ремешка с некрупными пряжками, снизу — на большую декоративную булавку.

Крой, как видишь, простой: прямоугольник. Только не забудь сделать припуски — сверху 1—1,5 см на притачивание пояса, снизу 3—5 см на подгибку. Количество и глубина складок произвольны и зависят от ширины клеток на ткани. (Обрати внимание: последняя складка слева — встречная, все остальные — односторонние. Складки можно оставить свободными, прихватив их только поясом, а можно застрочить (как на рисунке) на 10—12 см вниз от линии талии.

Обработав складки, сделай бахрому по правому краю юбки и пришивай пояс (его ширина в готовом виде — 3—4 см). Подшей или пристрочи на машине низ юбки. В качестве застежки используй готовые кожаные ремешки для мужских часов шириной сантиметра два, как их пришить — видно на рисунке. Декоративные булавки продаются в галантерейных магазинах.

Если у тебя остался от юбки кусочек ткани размером 100×20 см, можно сделать шарфик. Застрочи, совместив рисунок, длинный край, а концы оформи такой же бахромой, как на юбке. Выверни шарфик налицо и как следует проутюжь швов.

Новую юбку советую тебе носить с любым однотонным джемпером или свитером подходящего цвета (черный и белый — вне конкуренции). Концы шарфика можно завязывать легким узлом, а можно оставлять свободными.

„Фрам" — по-норвежски значит „вперед"

Какая может существовать связь между украшенной китайским бисером метательной дощечкой для пуска стрел, Гренландией и Новосибирскими островами, откуда норвежский путешественник Фритьоф Нансен начал исследование Арктики на своем знаменитом судне «Фрам»?

А связь самая непосредственная!

Когда Нансен собирался путешествовать к Северному полюсу, он был уже известным путешественником, пересекшим Гренландию на лыжах. Этот остров он хорошо знал. Нансен обратил внимание, что гренландские эскимосы, живя в безлесной стране, строят свои жилища из... сибирской лиственницы и ели. Оказалось, что деревья прибивает к берегу волнами океана. Однажды так на берегу была найдена украшенная китайским бисером метательная дощечка эскимосов Аляски. Они выменивали стеклянный бисер на азиатской стороне Берингова пролива. И еще один потрясающий факт, на который обратил внимание Нансен. Эскимосы нашли у берегов Гренландии предметы с корабля «Жанетта», затонувшего у берегов Азии, в районе Новосибирских островов: список провианта, заверенный рукой капитана «Жанетты» Де Лонга, перечень лодок этого судна, пару брюк с меткой одного из матросов команды, козырек от солнца с фамилией еще одного члена экипажа. Эти предметы плыли до Гренландии около трех лет. Все эти факты, считал Нансен, говорят о том, что существует морское течение, проходящее где-то близ Северного полюса, течение, с которым приплыли к берегам Гренландии метательная дощечка, сибирская лиственница, одежда погибших моряков и документы с «Жанетты». Течение поможет достигнуть Северного полюса или приблизиться к нему. И потому корабль должен д р е й ф о в а т ь. Дрейф начнется от Новосибирских островов.

Многие исследователи считали, что путь к полюсу лежит через пролив Смита у западных берегов Гренландии, другие были уверены, что идти на Север надо, прокладывая путь между Гренландией и Шпицбергеном... Но льды надежно закрывали проход на Север. Льды, холод, тьма... Неудачными были и попытки идти к полюсу через Берингов пролив. Де Лонг считал, что при выходе из пролива мощное японское течение подхватит корабль и понесет его к полюсу. «Жанетту» при выходе из Берингова пролива сковало льдами, и корабль дрейфовал с ними до Новосибирских островов, где и затонул.

Итак, маршрут был ясен Нансену: пройти вдоль побережья Азии, мимо мыса Челюскин, до Новосибирских островов и отсюда начать дрейф в Арктику. Для такой экспедиции нужно было особое судно. «Фрам» был сконструирован так, чтобы, по словам Нансена, «мог выскакивать из ледяных объятий как угорь». Формой своей «Фрам» походил на скорлупу ореха, и льды, сжимаясь, должны были выталкивать его, не раздавливая.

Так экспедиция Нансена проникла в неизведанное дотоле Полярное море, к северу от Новосибирских островов, исследовав область, лежащую к северу от Земли Франца-Иосифа. Позднее Нансен со своим товарищем Иохансеном покинул «Фрам», чтобы изучить пространства, лежащие к северу от пути «Фрама» и затем отправиться к Земле Франца-Иосифа.

Не было отрасли знаний, связанной с изучением Арктики, которую не обогатила бы экспедиция Нансена. Вот только неполный перечень их достижений: исследования показали, что вблизи полюса нет суши, а только море, покрытое льдом; Земля Франца-Иосифа — это группа островов; Нансен выдвинул теорию образования полярных льдов и причин их дрейфа... И многое, многое другое...

Фритьоф Нансен стал национальным героем. Один из современников писал о нем: «Париж лежит у его ног. Берлин стоит во фронт, Петербург празднует, Лондон аплодирует, Нью-Йорк бурлит». Пожалуй, во всем мире не было человека столь популярного. О своем путешествии Нансен написал книгу «Фрам» в Полярном море». Есть в книге слова: «А что собственно мы сделали особенного? Мы исполнили свой долг, сделали не более того, что взяли на себя, и скорее мы должны благодарить родину за право совершить плавание под ее флагом». Не потому ли Нансену удавались грандиозные замыслы — едва ли не единственному среди всех исследователей мира,— что он был не только гениальным путешественником, ученым, он был еще величайшим Человеком на Земле. И Россия, как никакая другая страна, знает это. Во время голода в Поволжье Нансен одним из первых стал помогать России, собрав колоссальную по тем временам сумму — свыше сорока миллионов франков.

О. СТРЕЛКОВА
Рисунки В. Шаронова

Продолжение смотри на 4-й стр. обложки

Недавно Географ Географыч был в гостях. После взаимных приветствий хозяева провели его в гостиную и представили своего сына — Петю, мальчика смышленого и независимого.

— И сколько же тебе лет, Петя? — спросил вежливый Громыхалов, чтобы завязать разговор.

Мальчик незаметно улыбнулся:

— Два дня назад мне было десять, а в следующем году исполнится тринадцать. Так что считайте.

— Сосчитал. Отличный возраст! — пророкотал Географ Географыч и прошествовал в сопровождении хозяев к накрытому столу.

Спрашивается: сколько же лет независимому Пете и какими были первые слова, которые произнес Г. Г. Громыхалов, когда хозяева открыли дверь на его звонок?

Конкурс кроссвордов

Свой кроссворд «Флора и фауна» предлагает нам Юлия Изох из Минска.

По горизонтали: 5. Сок, выделяемый некоторыми растениями. 7. Цветок, красивый и полезный, он же крокус. 8. Субтропическое вечнозеленое дерево, консервы плодов которого пользуются большим спросом. 9. Животное — еще не жираф, но уже не антилопа. 10. Рыба — дикий родственник карпа. 13. Животное или растение, сохранившееся с древнейших времен. 15. Молодые оленьи рога. 18. Южное дерево, оно же чинара. 19. Хищное животное, а также река в Месопотамии. 20. Южное дерево, которое называют благородным. 21. Лесной хищник. 22. Пышный майский цветок. 25. Любимая всеми ягода. 26. Лесное дерево, особенно красивое осенью. 28. Гроза цыплят и мелких птиц. 31. Злаковое растение. 32. Одна из самых распространенных рыб внутренних водоемов, имеющая морских родственников. 33. Реакция организма, причем непроизвольная. 34. Дерево семейства буковых, на юге плодоносит, в средней полосе — украшает парки. 35. Ценная промысловая морская рыба.

По вертикали: 1. Выведение пород животных. 2. Кустарник с белыми ароматными цветками. 3. Мечтательная рыба из сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина. 4. Распространенный овощ. 6. Пресноводная рыба семейства карповых. 11. Порода собак-спасателей. 12. Изящная птица — объект охоты. 14. Сорт яблок. 16. Фруктовое дерево. 17. Цветок. 18. Южноамериканская рыба, чей жестокий нрав вошел в легенду. 23. Вьющееся растение, чьи ягоды образуют гроздья. 24. Птица, гнездящаяся в горных районах. 27. Лесная птица, чье пение поэт сравнил с плачем. 29. Сорное выносливое южное растение, ядовитое для животных. 20. Животное семейства оленей.

1. Окна в мороз замерзают только изнутри. Снаружи процарапать во льду дырочку просто невозможно. Значит, сторож говорил неправду.

Конкурс кроссвордов. По горизонтали: 3. Легато 5. Азалия 8. Капсула 9. Сон 11. Диод 12. Григ 13. Прок 15. Толк 16. Кот 20. Монтень 21. Реестр 22. Адажио. По вертикали: 1. Девон 2. Виола 4. Аккорд 6. Аналог 7. Осло 9. Сурик 10. Набат 14. Космос 15. Тотьма 17. Ость 18. Ампер 19. Лимит.

Рисунок Л. Московского

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:
В. М. ВЕРХОВСКИЙ
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
А. Я. ТОЛСТИКОВ
(отв. секретарь)
Н. Т. ФЕДОРОВ
Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ
(зам. гл. редактора)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
В. И. ЦИКОТА
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
Н. В. МИХАЙЛОВА

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20,
телефон: 274-15-72.

К сведению авторов!

Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Сдано в набор 10.09.90.

Подписано в печать 00.00.00.

М-0000

Формат 60×90 1/8

Печать офсетная

Печ. л. 6

Усл. печ. л. 6

Усл. кр.-отт. 22

Уч.-изд. л. 8

Тираж 800 000 экз.

(2-й завод 50 001—800 000).

Заказ № 5205

Цена 60 к.

Текстовые диапозитивы, иллюстрации изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1 Госкомиздата СССР
Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 0-629.
Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

Дос 42-57

60 к.
Индекс 70445

„ФРАМ" - ПО - НОРВЕЖСКИ ЗНАЧИТ „ВПЕРЁД"

В КАРТИНКАХ И ЗАГАДКАХ
ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ

Назовите страну и город, где „Фрам" завершил свое плавание

Смотри стр. 48